

МАРГО ГЕНЕР

18+

ЧАСТИЦЫ МАГИИ
ОГОНЬ
МАГИ В НАШЕМ МИРЕ

Марго Генер

**Частицы магии. Огонь.
Маги в нашем мире**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Генер М.

Частицы магии. Огонь. Маги в нашем мире / М. Генер —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

В мире, где существуют огненные демоны, все просто - огненную девушку нужно выдать замуж за их правителя. Но все меняется, когда мир оказывается на краю гибели. И спасение там, где шумят машины, а с вышек летит сигнал вай-фай. Как приспособиться магическим созданиям в таком мире - вот вопрос. Да еще и найти то, что спасет Вселенные. Агата и ее новоявленный родственник обязаны с этим разобраться. И при избежать новых опасностей. Но как быть с правителем огненных тварей, который совсем не хочет отказываться от невесты?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марго Генер

Частицы магии. Огонь. Маги в нашем мире

Пролог

С самого детства усвоила – моя жизнь не будет такой, о какой мечтают все девочки Звенящей долины.

Во-первых, если верить истории, обычные девушки не воспламеняются, когда им вздумается. А я поступаю именно так, когда мне что-то не нравится. Меня посмотрели десятки ведьм, и все как одна заявили – я не маг. Но почему, я иногда полыхаю факелом, объяснить никто не смог.

А во-вторых, и это меня беспокоило больше всего, едва вчера исполнилось девятнадцать, меня определили в жены к Фералу, предводителю огнекрылых тварей, которые нападали на деревню и всю Звенящую долину.

Чтобы я не сбежала, меня поместили под замок. Мать моя хоть и пыталась что-то сделать, но правды от деревенских не добилась. Да и сама я искренне хотела помочь месту, которое спасло мою беременную мать, дало кров и защиту.

Правда способы решения не очень нравились, потому что, не спрашивая моего мнения, в ночь Лунного сияния меня заперли в отдельном доме и наказали ждать участи.

Точнее, огненного Ферала. Того самого, который затребовал меня к себе в жены. Естественно, выходить замуж таким образом я совершенно не хотела. Какая девушка не мечтает о настоящей и чистой любви? Даже такая огненная, как я.

Но кто меня спрашивал?

Поэтому я терпеливо ждала, что же будет дальше, не зная, как спасти деревню и при этом спастись самой от огнекрылого Ферала. Огонь в камине тихо потрескивал, бросая отблески на каменный пол. Поленья красные от жара, а перед топкой на железной пластине в полу плясало пламя. Когда стрелки часов показали полночь, за колоннами сгустилась плотная темнота. Во дворе загрохотало, куры и поросенок испуганно за кричали, а медные подсвечники на камине с лязгом подпрыгнули. Мир ужался в точку перед очагом и уместился на медвежьей шкуре, где сижу я. Чувство тревоги змеей свернулось в районе груди.

Прибыл.

В дальнем углу скрипнула дверь. Оборачиваться не стала, но учуяла сильный запах гари, и сердце сжалось. В голове поплыли яркие картины мира, где по склонам хребтов течет расплавленная порода.

Я нервно вздрогнула и отхлебнула из чашки.

Шаги приблизились, над ухом прозвучал глубокий, как бездна шепот:

– Не спишь?

Какой тут спать. От нервов у меня сна ни в одном глазу, да и есть не хочется, хотя весь день меня морили голодом. Видимо, чтобы не испортила фигуру. Хотя она у меня в порядке.

Я храбрилась, правда, когда по шее скользнул сухой палец, а кожу обжег горячий, как клеймо, поцелуй, оставив зудящую отметину, я отклонилась подальше и произнесла, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

– Осторожней, я не твои огненные девки. Ошпаришь.

– Прости, Агата. Но ты манишь меня своим неведомым огнем. И тебя не обжечь. А эта крошечная печать, лишь знак моей привязанности.

– Меня это не радует.

Огнекрылый хмыкнул. Его пальцы сжались на плече и медленно заскользили по рукам. Я задрожала, под кожей забегали огненные мурашки. Сцепив зубы, стала думать о деревне, которую моя жертва спасет. Но легче не становилось.

– Прекрати, – попросила я.

Ферал развернул меня и впился огненным взглядом. Антрацитовая кожа блеснула в свете огня, тонкие губы приоткрыты, изо рта вырвалась струйка пара.

Он проговорил охрипшим голосом:

– Сегодня ночь Лунного сияния, помнишь?

Я кивнула.

– Помню.

– И ты будешь моей. Ты обещала.

– Мне пришлось. Ты же не дал выбора. Либо я пойду с тобой, либо ты сожжешь деревню. Это сложно назвать добровольным желанием.

Огнекрылый зарычал и выпустил изо рта струю огня мне в лицо. Теплые языки скользнули по коже, я отшатнулась, а когда представила, как часто он будет меня касаться, всю передрнуло. По иронии судьбы огонь для меня безвреден, и именно поэтому меня заложили огнекрылым, лишив права распоряжаться судьбой.

– Но теперь ты моя. И скоро станешь полноценной женой. Ты пошла на сделку, чтобы спасти Долину, и проживешь остаток дней в моем раскаленном мире.

Я тяжело вздохнула.

Но это было только начало всего, что со мной произошло.

В момент, когда разгоряченный Ферал собрался приступить к прямому выполнению супружеских обязанностей, с потолка посыпалась труха, раздался треск старого дерева. Я вскрикнула и глянула наверх.

В крыше дыра, размером с корову.

Ферал с яростным рычанием выпустил клуб черного дыма и бросился ко мне.

В ту же секунду в дыру шмыгнула быстрая фигура, передо мной мелькнуло расплывчатое лицо, потом был рывок, ноги оторвались от пола.

– Ты моя! – заорал огнедемон страшно. – Ты мной отмечена!

Но мимо меня уже пронеслись стены, потолочные балки, и через несколько мгновений дом стал стремительно отдаляться. Звенящая долина быстро превратилась в маленькое светящееся пятно среди бескрайней тьмы ночи, а я, перекинутая через плечо, неслась в небо.

– Кто ты, пламя тебя подери? – закричала я, дрыгая ногами. – У меня сделка сорвалась! Ферал снова начнет налёты! Он сожжет Долину! Сожжет!

Сквозь свист ветра донеслось неразборчивое:

– Лежи спокойно. Думаешь легко протащить сквозь барьер раскаленное бревно?

У меня даже горло перехватило, я выкрикнула:

– Сам ты бревно! Какой еще барьер!?

– Фарбус все объяснит.

После этого голова закружилась, по телу пронеслись колючие молнии, во рту пересохло, что-то гроыхнуло, затем мир потух.

Очнулась от того, что кто-то настойчиво трясет за плечи и дует в лицо. Я лежу на холодном, а над ухом кто-то шепчет:

– Честное слово, старался. Даже спиной вперед летел, когда барьер проходили. Откуда мне было знать, что она такая слабенькая.

– Предупреждал же, используй защиту, – сказал второй голос, определенно принадлежащий кому-то постарше. – Но нет, сами все знаем, все умеем. Мы первый раз имеем дело с женщиной-огнем, нужно быть максимально осторожным. Сколько уже она в отключке?

Первый снова потряс меня, как тряпичную куклу и ответил:

– Не знаю, часа три, наверное.

Послышался шелест одежд и раздраженный топот.

– Как же с тобой трудно, – ворчал голос постарше. – Неуправляемый, своевольный и бесконтрольный.

– Я же ветер.

В голове забегали перепуганные муравьи. Пару секунд мысленно проверяла, не ранена ли, а когда подумала, что сейчас делает Ферал, обманутый и взбешенный, внутри все упало.

Простонав, медленно открыла глаза.

Прямо передо мной гладкое мужское лицо с высокими скулами, острым подбородком и огромными голубыми глазами. Черные волосы свесились до локтей – слишком длинные для мужчины. Он щурится и кривит губы, пальцы все еще сжаты у меня на плечах.

Выждав пару секунд, черноволосый разжал их, сказал выпрямляясь:

– Вот видишь, Фарбус, я говорил, все будет нормально, а то сразу – неуправляемый, своевольный. Может, я инициативу проявляю.

Я повертела головой и села. Страх за себя и Звенящую долину смешался с восторгом от увиденного. Огромный зал мягко переливается сиреневым светом, фиолетовые кристаллы торчат прямо из стен, сквозь прозрачный пол смотрит черная бездна.

Глава 1

От стены отделилась высокая лысая фигура в фиолетовом одеянии и проследовала на середину зала, стуча набойками по полу. Подстежка и мантия блестят серебром, на суровом лице печать времени, а во лбу сверкает пятно. Присмотрелась – какой-то знак, похожий на загогулину.

Лысый остановился, развернулся ко мне и стал разглядывать. Ощущение, что заглядывает в самую душу.

– Как ты себя чувствуешь, дитя? – спросил незнакомец.

Похитивший меня черноволосый, отошел в сторону и с интересом наблюдает. Только теперь поняла – он тоже одет весьма скромно. Лишь обтрепанные портки на кушаке, ноги босые, а обнаженный торс слабо поддержан голубым свечением.

Лысый сцепил пальцы, покашлял. Я нахмурилась. Выждав еще не много, уперлась ладонями в пол и медленно поднялась. Голова закружилась, как после матушкиной браги. Колени подкосились. Так бы и свалилась, но черноволосый подскочил и поймал за плечи. Я подняла на него смущенный взгляд.

– Голова кружится, леди-пламя? – спросил он участливо.

Я кивнула, но сказала:

– Не буду отвечать на вопросы, пока не ответят на мои.

Лысый закатил глаза и проговорил резко:

– Нет, как так можно работать? Что за искажение сил привело к конфузу? Женщина-огонь, где это видано?

Когда мир, наконец, перестал кружиться, равновесии пришло в норму, я глубоко вдохнула и начала осторожно:

– Уважаемые незнакомцы, объясните, что происходит и почему я здесь? Вы, наверное, не в курсе, меня называют огненной ведьмой Звонящей долины, и если сию минуту все не расскажете, все здесь превращу в пепел.

Раздался сдавленный смешок, черноволосый спрятал губы в кулак и пытается не смотреть на меня.

– Что смешного я сказала? – поинтересовалась я, чувствуя, как на смену страху приходит негодование. – Предупреждаю, я плохо контролирую мощь, могу ударить, мало не покажется.

Черноволосый уже не сдерживается, ржет в голос, как ретивый конь и хватается за бока. Лысый приподнял бровь и с интересом смотрит на меня.

– Ну что ж, сами запросились, – произнесла я. – Берегитесь!

Пламя полыхнуло в груди и вспышкой разлетелось по телу, ладони погорячели, а я выбросила вперед обе руки, выпустив из пальцев огненные потоки. Они метнулись прямо в сторону лысого, но ударившись в грудь, огонь с громким хлопком потух, а я оторопело замерла с вытянутыми руками.

– Что, что случилось? – выдохнула я и даже головой тряхнула, чтоб проверить, не сплю ли.

На пол вокруг незнакомца опустилось прозрачное черное облачко, он негромко покашлял, вытирая нос от сажи.

– Теперь, когда гнев выпущен, – сказал незнакомец спокойно, – мы можем поговорить?

Не верящими глазами я таращилась на лысого старикашку, который потушил огонь, даже не шевельнув пальцем. Еще пару секунд стояла неподвижно, затем опустив руки, нервно слотнула.

Лысый чуть улынулся и проговорил:

– Добро пожаловать в хранилище, дитя. И пожалуйста, не играй здесь с огнем. Вреда, конечно, никакого, но очищать кристаллы от сажи очень нудное занятие.

Пока хлопала ресницами, черноволосый перестал смеяться и вытер пальцами прослезившиеся глаза.

– Это Фарбус, леди-пламя. Смотритель Вормхола, – сказал он.

– Чего?

Черноволосый открыл рот для объяснения, но лысый перебил.

– Вормхол, – сказал он, – это дверь в другие миры.

Я ждала, что добавят что-то еще, но оба смотрят так, будто при слове «Вормхол» должна пасть ниц и трепетать в священном благоговении. Про Верхний и Нижний мир я знала. Огнкрылый Ферал как раз из Нижнего.

– Ну? И? – потребовала я дальнейших объяснений.

Фарбус суровый и явно недовольный, что я такая несведущая, горестно выдохнул и проговорил:

– Придется объяснять все с начала.

– Потрудитесь, – попросила я, косясь на черноволосого, который крутанулся на месте. Воздух под ним завертелся, а сам парень плавно приподнялся над полом и улегся на подушку из вихря.

Вообще-то здорово так уметь.

Он заметил, что разглядываю его и подмигнул левым глазом. К щекам прилил огонь, пришлось перевести взгляд обратно к Вормхолу и делать вид, что очень сердита.

Смотритель проговорил:

– Представь себе миллионы звезд, вокруг которых существуют миры, очень похожие на наш. Там тоже живут люди, а может и не люди. Я ведь никогда не ступал в черноту Вормхола и не знаю, что за твари могут обитать по ту сторону. Ты привыкла к Трехмирию, где в середине живет люди, внизу демоны, а сверху боги. Но это лишь песчинка в круговороте разнообразия.

– Хочешь сказать, э... Фарбус? – решила уточнить я. – Вы украли меня, чтобы читать проповеди об устройстве мира? Я даже в деревне никогда не посещала воскресных служб. Да и не к лицу мне. Жители называли меня огненной ведьмой.

– Совсем нет. Ты нужна для куда большего.

Он щелкнул пальцами, кристаллы в стенах засияли ярче, на потолке и полу появились световые зайчики и медленно поплыли по кругу.

Лысый произнес важно:

– Место, где мы сейчас находимся, расположено над вашими тремя мирами. Это хранилище. Отсюда наблюдают за жизненными процессами внизу. Но никогда не вмешивается, кроме тех случаев, когда нужно забрать стихию.

– Чего-чего?

– Да-да, – подтвердил Фарбус, – все верно. Стихию. Например, Огненную, которой в данное время являешься ты. Я охраняю Вормхол уже многие эоны. Слежу, за балансом. Чтобы, если где-то прибавилось, в другом месте убавилось. Но есть особые места, особые миры. Например, Подмир.

Я потерла лоб, чтобы разогнать кровь, заставить ум работать быстрее. Когда попыталась осмыслить услышанное, волосы снова вспыхнули, и скопления кристаллов заиграли радужными красками.

Незнакомцы почему-то довольно закивали, а я спросила, стараясь выглядеть не совсем дремучей:

– Подмир? Ты имеешь в виду Нижний мир огнкрылых? Этого ужасного Ферала, женой которого мне предстоит стать?

Фарбус многозначительно хмыкнул. Потом снова щелкнул пальцами, пол под ним пошел волнами, из прозрачной пленки вытянулся холмик. Через несколько секунд он превратился в стеклянный стул с высокой спинкой.

– Нет, дитя, – проговорил Фарбус терпеливо, – Подмир находится как бы... вообще в другом месте.

– Как хранилище? – предположила я.

Лысый улыбнулся.

– Не совсем, – сказал он. – Точнее совсем не так. Технически, он прямо тут, но... вроде и совсем не тут. Я все равно не смогу объяснить. Раз в эон в како-либо Вселенной на Древе мироздания расцветает цветок. В его власти переносить существ из мира в мир, минуя Вормхол. А ведь Вормхол – граница. Здесь выясняют, кого пропустить, а кого нет. Проход в другие миры без Вормхола чреват нарушением баланса.

– Вот как... – впечатлилась я.

Фарбус кивнул.

– В этот раз случилось неприятное, и цветок явился в Подмире.

Притихшее ощущение тревоги стало возвращаться, пульсируя в груди, как кувалда кузнеца, а клеймо огнекрылого засадило сильнее.

– Послушай, Фарбус, – произнесла я терпеливо, – твоя история очень интересна. Но моя цель спасти Звонящую Долину. На нее несколько веков нападают огнекрылые. Какое отношение ко мне имеет твоя история?

– Ты еще не поняла? Самое прямое, дитя, – проговорил Фарбус мягко. – Ты ведь и есть та стихия, которую нам с Лодином-ветром потребовалось забрать. Ты – Огонь.

Я вытаращилась на него и захлопала ресницами.

– Эм... Ну может и огонь. Но все равно не поняла, на кой я вам нужна. И кто этот черноволосый шут?

Тот взлетел, как на веревочках, до самого потолка и крикнул:

– Приятно познакомиться, Лодин! Леди-пламя. Я твой стихийный брат. А тебя как величать?

Я покосилась на него хмуро.

– Агата, – пробормотала я. – Как мило. Наградили боги братцем.

Фарбус устало выдохнул и провел ладонью по лицу.

– Как это выматывает... – произнес он.

– Послушай, Фарбус, – сказала я, чувствуя, что сейчас самое время. – Совсем не хочется тебя расстраивать, но вряд ли могу чем-то помочь. Судьбы миров и Вормхол это серьезно, но в Среднем мире и так достаточно проблем. А моя судьба – спасти Звонящую Долину. Хотя теперь от нее, наверное, остался один пепел...

– Об этом не переживай, – проговорил Фарбус отстраненно. – Если вы вернете цветок в хранилище, тебя можно будет вернуть обратно в тот же момент времени, когда и забрали.

Я попыталась осмыслить сказанное, но только волосы стали сильнее гореть.

– Не понимаю, – произнесла я.

– Не страшно, – отозвался Смотритель. – Главное, что когда вернешься, никто не заметит твоего отсутствия.

Лодин хохотнул и метнул в меня воздушный поток, едва успела увернуться. Но строгий взгляд Фарбуса немного успокоил шута. Тот недовольно закатил глаза и уселся прямо на пол, скрестив ноги. Края портков грустно повисли над блестящей поверхностью, а из левой штанины выбилась нитка.

Я послала черноволосому победный взгляд, а Фарбусу сказала:

– Ну хорошо. Значит, если Звонящую долину сожгут, я смогу вернуться и молить Ферала о пощаде. Это прекрасно. Прямо камень с души. Серьезно. Но это не объясняет, зачем я здесь.

– Милая Агата, – проговорил лысый озабоченно. – Все дело в том, что.... Две другие стихии не найдены. И вовсе не потому, что плохо искал. Наоборот – перерыл весь Средний мир вдоль и поперек, даже в Верхний и Нижний заглянул на всякий случай. Мало ли куда может вашего брата занести. Но даже там не нашел. Видимо, они в этот раз просто родились не здесь. А ведь раз в эон вы собираетесь и с помощью силы природы переносите цветок прямо сюда. Но, как уже говорил, сейчас что-то изменилось, и Земля с Водой не явились. Огонь вообще – женщина.

– Как неуважительно, – заметила я.

Смотритель проигнорировал мой тон.

– Но цветок не должен попасть в руки жителей Подмира, – сказал он, – иначе нарушится баланс.

– И почему именно стихии должны это делать?

Смотритель посмотрел на меня, как на бестолковую доярку.

– Потому, – проговорил он, – что только стихии существуют во всех мирах. В любом мире есть огонь, частицы воздуха, воды и земли. Понятно?

Я спросила мрачно:

– К чему ты клонишь?

– К тому, – произнес Фарбус значительно, – что кому-то придется спуститься за цветком, найти и доставить собственноручно.

– У меня дурное предчувствие, – глухо проговорила я.

Уголки губ Фарбуса дрогнули и поползли в стороны. Он сцепил пальцы замком и положил на колени, став похожим на короля, друида и строгую няньку одновременно.

– Резонно, – сказал смотритель. – Тебе предстоит опасная дорога в Подмир вместе с Лоудином.

– Ни за что! – отрезала я, переполненная чувством справедливости, и сложила руки на груди.

Смотритель резко наклонился так близко, что ощутила запах мяты, и вжала голову. Взгляд грозный, глаза светятся сиреневым, знак на лбу переливается радужными волнами.

Голос прогремел раскатисто, кристаллы зазвенели.

– Глупый, вспыльчивый огонь! Неумный! Я покажу тебе!

С этими словами он вцепился крючковатыми пальцами в плечо, не обращая внимания, что мои локти и волосы полыхают, как факелы.

– Да больно же! – вскрикнула я, вырваться.

– Больно? – проревел Фарбус. – Смотри!

Мир вспыхнул. Перед глазами пронеслись багровые вихри, какие-то тоннели, по которым мчатся то ли люди, то ли звери. Висячие прямо в воздухе дома, напоминающие красные леденцы. Потом меня швырнуло вверх и увидела каменные горы правильной формы с сотнями дырочек – почти как термитники. И внизу дорожки муравьев.

А потом все исказилось, поплыли черные тени, огромные силуэты. Послышался смех, от которого даже огненная кровь застыла в жилах. Меня дергало и носило, как песчинку, пока тени превращались в копошащиеся клубки.

Все загудело, задрожало. Через секунду картинка треснула, в стороны поползли глубокие расселины. Послышались женские крики, какой-то писк, грохот, взрывы. Я видела ослепляющие вспышки, на их месте оставались черные дыры. Крики нарастали. Хотела зажать уши, но руки отказались подниматься.

Потом все затихло. Остался лишь тонкий звон в ушах, какой бывает после бессонной ночи и переутомления. Мысли ползают болезненно и тяжело.

Кто-то дернул за плечо, я вздрогнула.

Перед глазами снова суровое лицо Фарбуса. Взгляд серьезный, ноздри раздуты, как у боевого быка. Меня качнуло. Я медленно села на пол, скользнув ладонью по лицу, глянула на пальцы, на них остались следы лавы.

– Что... что это было?... – задыхаясь, спросила я.

Смотритель, наконец, отпустил плечо и отошел на пару шагов. Лицо все такое же грозное, но взгляд смягчился.

– Пробрало?

– Они все погибли, – выдавила я, с трудом приводя дыхание в норму. – Почему? Кто они? Что это за место?

Лодин, все это время наблюдавший молча, поднялся и приблизился, почти не касаясь пола. Потом медленно опустился и аккуратно приподнял пальцами подбородок, не обращая внимания на мой огонь.

– Это случится, если не достать цветок, – проговорил Лодин печально. – Ты видела миры. Не все, но достаточно, чтобы понять, как важно сохранить баланс.

Нервно сглотнув, я произнесла, стараясь подбирать слова, чтобы снова не вывести смотрителя из себя:

– Слушайте... Когда я пошла на сделку с Фералом, я знала, ради чего... Ради кого. Звенящая Долина мой дом, там моя мать, верховный маг, в конце концов, который спас нас обеих от расправы в Нижнем поречье. И я не хочу, чтобы огнекрылый со своим полчищем уничтожили все, что мне дорого. Мне жаль людей из тех миров, но... Я должна позаботиться о своих.

Фарбус вздохнул как-то разочарованно и произнес:

– С помощью цветка можно запретить огнекрылых в нижнем мире. Всех. Навсегда.

Я охнула.

– Навсегда?

– В мгновение ока, – подтвердил смотритель.

– Это в корне меняет дело.

Мой эгоистический подход, видимо Смотрителя не радовал, но я посчитала, что сделка должна быть выгодной для обеих сторон. Ведь он хочет, чтобы я рисковала собой.

– Сколько человек заходили в эту дыру? – спросила я Фарбуса.

Он покачал головой, сверкая налобным знаком.

– Если честно, ни одного, – ответил Смотритель. – Я строго следил, чтобы никто и никогда не нарушал границ миров.

– Ну здорово, – покривилась я, но продолжила размышлять вслух. – Так. Значит, если гармония или что ты там говорил, нарушится, Звенящая Долина исчезнет?

– Да.

– Но с помощью цветка можно запретить огнекрылых в Нижнем мире? – еще раз уточнила я.

Фарбус кивнул.

– Если цветок окажется в хранилище, это займет не больше пяти минут.

– Тогда я готова спуститься в Подмир вместе с Лодином. Ради спасения моей Долины и баланса. Но ради Долины в первую очередь. Я слишком ненавижу огнекрылых, чтобы отказываться от такого шанса.

Послышался облегченный вздох смотрителя. Шелестя мантией, он сделал несколько шагов в сторону и вскинул руки. Потом стал выкладывать на полу какие-то лишь ему понятные камни, а я с тревогой понимала, что решилась на нечто безумное, что навсегда изменить жизнь.

Смотритель проговорил, подвигая зеленый камень поближе к краю:

– Вы должны знать, Подмир очень плотный.

Мы с Лодином переглянулись, я спросила:

– Это как?

– Так, – ответил Фарбус. – За эоны существования Подмир ужимался, становясь плотнее и... Материальнее. Да, это правильное определение. Подмир очень материален.

В груди тревожно ухнуло.

– Что это значит? – спросила я.

Смотритель pokrивился, как делают люди, когда не уверены в том, что говорят. Потом произнес:

– Точно не знаю. Но будьте готовы к тому, что привычное мироощущение изменится. И вообще, будьте готовы к перемене. Но главное, отыщите цветок и верните его в хранилище.

Я потеряла лоб, пытаясь собраться с мыслями, и спросила:

– А как мы оттуда выберемся?

– Когда найдете цветок, – сказал Фарбус, – он сам вас перенесет. Он источает особый запах, который способны уловить только стихии.

– Замечательно, – пробормотала я.

Фарбус вскинул руки. Знак на лбу засиял, словно новая звезда. Кристаллы в зале тоже засветились, будто помогая зрителю.

Потом его губы затряслись, он стал что-то быстро-быстро говорить на непонятном языке. Стены загудели, послышался стеклянный звон, а я в страхе схватилась за руку Лодина.

Тот бросил на меня понимающий взгляд и прижал к себе. По его лицу скользнула мимолетная улыбка, за которую захотелось опалить его парой огненных шаров.

– Я буду тебя защищать, – шепнул он.

Я отозвалась:

– Это и настораживает.

Все задрожало, Вормхол взревел, как стадо гигантских быков, и пыхнул в нас чернотой. Я хотела зажмуриться, но не смогла, потому что Фарбус крикнул гулким голосом:

– Вперед! Пока я снял ограждение! Прыгайте!

Лодин улыбнулся, потом рванул меня к себе и увлек в черноту Вормхола.

Глава 2

Нас завертело и понесло сквозь грохот и гул. Почти ощутимая темнота заливалась в горло, словно намеревается утопить в бесконечности. Когда окончательно потеряла ощущение верха и низа, в плечо вцепились чьи-то пальцы.

Не сразу поняла, кто это и принялась судорожно отбиваться, пыталась кричать. Но получилось лишь безмолвно открывать рот и дергаться, пока меня несло сквозь бездну.

Перебивая рев, в ухо прокричали:

– Это я! Я!

До меня с запозданием дошло, это Лодин пытается удержаться вместе, чтобы нас не раскидало по разным концам миров. Я перестала отбиваться и схватилась за руку. Нас несло и несло, как оторванные ветром листья.

Неожиданно все прекратилось. Меня швырнуло на твердое и холодное, грохот Вормхола исчез, а я застыла в распластанной позе, прислушиваясь к ощущениям. Перед глазами все еще вертится, сердце стучит, словно пытается пробить грудную клетку, а в голове единственная мысль – я делаю это ради Долины.

Лежала не меньше минуты, прокручивая в уме слова Фарбуса о том, как можно заточить огнекрылых с помощью цветка. Это придало сил. Но лишь, когда поняла, что ничего не сломала, решила повернуть голову и открыть глаза.

Рядом на таком же твердом и сером лежит Лодин с несчастным видом. Глаза распахнуты, он опасно ворочает ими и что-то шепчет одними губами.

Проследив его взгляд поняла, почему у него такое лицо.

С двух сторон огромные дома из удивительно ровного камня. Чуть позади решетка в два моих роста, ровная и аккуратная, словно ковалась лучшими кузнецами королевства. Рядом с черноволосым что-то вроде бочки, но квадратное и из ржавого металла.

Попыталась привстать на локте, но тело отозвалось болью.

– Где мы? – простонала я.

Лодин что-то пробормотал неразборчиво, потом осторожно, словно боится сломаться, перевернулся на бок. Идеальное лицо скривилось от боли, но заметив, что смотрю, тут же разгладилось.

– Вероятно, в Подмире, – ответил он, косясь на почву под собой.

Та темно-серая и твердая, словно пласт скалы, вырезанный в горах и целиком перенесенный сюда.

Я уперлась ладонями и осторожно села. Волосы спутались, свисая сзади и спереди, как у ночных наяд, которые вместо одежды используют только свои космы. Поцелуй огнекрылого зудит, в голове все еще кружится, но боль постепенно уходит, сменяясь тревожным ощущением.

– Чувствуешь? – спросила я. – Тут странно пахнет.

– Будто кузница сгорела вместе со всем добром, – отозвался Лодин и тоже сел.

Потом поднялся и протянул руку.

– Вставай, леди-пламя, – сказал он, подмигивая. – Надо осмотреться. Я поднимусь в небо и огляжу все сверху. А ты будь здесь и не высовывайся. Мало ли какие твари тут могут обитать.

– Ты действительно станешь меня защищать? – удивилась я.

– Сомневалась?

– Постоянно.

Лодин покачал головой и как-то печально улыбнулся.

– Очень зря. Я ведь обещал.

Откинув за спину рыжий локон, я хмыкнула и произнесла хмуро:

– Сын пастуха тоже обещал любить вечно и никогда не покинуть. А в итоге даже не попытался защитить меня от огнекрылых. И не то, что бы его виню его, я бы не вынесла, если бы по моей вине погибла вся Звенящая Долина. Но глубоко внутри хотелось защиты и участия.

Взгляд Лодина остановился на мне, словно пытается залезть в самую душу. Я поежилась, ругая себя за излишнюю откровенность, а он еще пару секунд изучал, затем произнес:

– Могу понять. Сложно, когда ты единственная стихия в долине, а остальные давят на тебя, требуют, ожидают чего-то. Сам таким был. Но теперь я свободен, как ветер, хе-хе. Поэтому, леди-пламя, не переживай. В обиду тебя не дам.

– Спасибо, – пробормотала я. – Хотя это меня настораживает.

Брови Лодина подскочили, он спросил с невинным лицом:

– Почему это?

– У тебя взгляд лукавый, – хмуро заметила я, потирая коленку, которую, видимо ушибла при падении.

Лицо ветра разгладилось, он облегченно выдохнул.

– Ах, это... Ну лукавый. И что? Я всегда такой. Ветренный. Но тебе не о чем беспокоиться. Мы родственники. Хотя жаль.

Он прищурился и подмигнул, явно рассчитывая, что меня это выведет или хотя бы смутит. Но я собрала все внутреннее пламя в кулак и выдавила улыбку. Потом спросила, все еще улыбаясь:

– Значит, с тобой я в безопасности?

– Насколько это от меня зависит, – согласился он. – Долго я еще с протянутой рукой буду стоять? Или сама встанешь?

Я отдула прядь со лба и, наконец, схватилась за его пальцы. Они оказались прохладными и крепкими. Лодин дернул на себя. И я взлетела на ноги. Он тут же отшагнул, лицо стало задумчивым, лоб напрягся, образовав две глубокие морщины, словно на секунду ему стало шестьдесят лет.

– Побудь здесь, – сказал он. – Я пока слетаю, посмотрю.

– Слушаюсь, о мой старший брат.

Черноволокный хмыкнул, с улыбкой качая головой. Колени подсогнулись, потом резко отпружинили, но вместо того, чтобы взмыть вверх, его тело с глухим шлепком рухнуло на землю.

– Что за... – выдохнул Ветер, у которого ветром быть почему-то не получилось. – Я не могу подняться!

– Как так? – не поверила я.

– Если б я знал, – огрызнулся он, а я отшатнулась, еще не привыкнув к быстрой перемене ветряного настроения.

Выждав пару мгновений, пока лицо Лодина вновь станет мирным, сочувственно покачала головой и проговорила:

– Может, путь сквозь Вормхол исказил твою суть? Давай я попробую.

Он кивнул, хотя во взгляде мелькнула боль. А я напрягшись, послала в тело привычные сигналы. Внутри забегали огненные муравьи, щеки потеплели, но едва горячие мурашки достигли кожи, как все прекратилось, будто облили водой из проруби.

В груди ухнуло, словно ударили кувалдой, я в ужасе посмотрела на Лодина и прошептала:

– У меня тоже... Не могу вспыхнуть.

Он сказал упавшим голосом:

– Фарбус предупреждал. Похоже, это оно и есть. Подмир слишком плотный, и мы потеряли способности.

– Это невозможно! – в отчаянии крикнула я. – Огонь не может потерять способность гореть! Я чувствую, он во мне. Но почему-то не может выйти наружу.

Лодин посмотрел на квадратную бочку из железа, потом перевел взгляд на решетку и проговорил:

– Да, воздух тоже во мне, но слабый и зажатый. Даже жутко. Словно я заперт сам в себе.

– У меня такое же чувство, – согласилась я, нервно сглатывая. – Что нам делать? Как без сил найти цветок? Лодин, как?

Внутри начала подниматься истерика. Стоило немалых усилий сдерживать ее и не опозориться перед ветром, он же очень быстро взял себя в руки и сказал:

– Нам остается одно.

– Продолжать путь без сил? – неуверенно поинтересовалась я.

Он кивнул.

– Именно. Тем более, силы у нас есть. Просто теперь они внутри, а не снаружи. Придется учиться пользоваться тем, что есть, леди-пламя.

– Мне страшно... – прошептала я.

Лодин выпрямился и произнес почему-то весело:

– Не бойся. Я не дам тебя в обиду.

Я тяжело вздохнула, понимая, что предстоит провести неизвестно сколько времени без сил. В груди стало еще тяжелее, а в глазах защипало. Чтобы хоть как-то прийти в себя и отвлечься, я расправила края сорочки. Волосы тоже перекинула вперед, прикрывая все, что положено прикрывать, выходя на люди. Лодин одобрительно кивнул.

Затем мы осторожно двинулись вдоль каменной стены.

При каждом шаге босые ноги обдаёт холодом, чувство тревоги трепыхается в груди, как перепуганная птица, а когда оказались возле угла, меня охватила дрожь. Лодин заметил и попытался обнять за плечи, видимо решив, что замерзла. Я нервно скинула руку и обожгла его взглядом.

Он проговорил, косясь на угол, откуда доносятся непривычные громкие звуки:

– Просто хотел помочь.

– Лучше придумай, как вернуть нам силы, – буркнула я.

Черноволосый отозвался, тревожно вглядываясь вперед:

– Вернем, леди-пламя. Обязательно вернем.

Потом жестом приказал мне оставаться здесь, а сам на полупальцах направился к углу. Я наблюдала, как он удаляется, красиво поигрывая мышцами спины и думала, насколько мы близкие родственники. Но вспомнив его переменчивое поведение, решила, пусть лучше будет братом, который защищает, чем ветреным ловеласом, треплющим нервы.

Лодин остановился. Сюда слышно, как из-за угла что-то время от времени рычит и сигналит, кто-то бормочет, доносится ритмичный топот. Я пыталась представить, что за зверь может издавать такие звуки, но воображение тут же нарисовало огромных страшилищ.

Пришлось потрясти головой, выгоняя мысли и сосредоточиться на Лодине, который застыл у края и чего-то ждет.

– Давай, – подбодрила я. – Ты же у нас главный по защитам.

– Приходится, – пробормотал он.

Потом прижался спиной к стене и осторожно, словно опасается лучников, высунул нос.

Я видела, как расширились глаза, как раскрылся рот. Несколько мгновений он стоял неподвижно. Даже когда окликнула, остался стоять, как истукан.

Выждав еще немного, приблизилась сама.

Едва он заметил, что я рядом – резко прижал к стене и проговорил торопливо:

– Все гораздо серьезней, чем мы думали, леди-пламя. Смотри. Чудовища. Одни чудовища.

Осторожно, стараясь держать меня в тени, он позволил приблизиться к краю. Я высунулась и охнула.

По дороге, сделанной из того же монолитного камня, на который мы упали, несутся существа, похожие на гигантских жуков. У одних глаза круглые, у других – узкие, словно у пантер, готовых к прыжку. По краям дороги с обеих сторон бегут люди в странной одежде. Дома вокруг огромные, как замки, но уродливые и какие-то одинаковые, все из идеально ровного камня. На углах столбы с цветными огнями время от времени мигают, и чудовища, на дороге останавливаются.

Я присмотрелась к одному и увидела внутри человека. Он смотрит вперед и сжимает в пальцах что-то вроде кренделя или баранки.

– Это не чудовища, – выдохнула я.

Лодин вопросительно оглянулся, а я пояснила, указывая на дорогу:

– Говорю, это не чудовища. Вот эти рычащие штуки. Это повозки. Смотри, внутри люди.

Он присмотрелся, между бровей появилась морщина, словно это открытие его не обрадовало.

– Что за люди добровольно станут забираться в такое? – пробормотал он.

– Наверное, те же, – отозвалась я задумчиво, – что и запрягают лошадь. Видишь, какие они дикие? Погляди, женщины в исподнем ходят. Может у них лошадей не водится?

Лодин покосился на меня и проговорил с ухмылкой:

– Это ты про исподнее говоришь? Сама давно в зеркало смотрела?

Я ответила, вскинув подбородок:

– Моя исподнее – это жизненная необходимость. С огнем платьев не напасешься. И вообще, я хорошо одета. Видишь, даже волосы сорочку прикрывают. Все прилично.

– Ну да.

– И ты сам в портках. Так что молчи.

Мы замолчали и снова стали разглядывать бегущие по дороге повозки и людей в них. Один раз прокатилась повозка без крыши. Внутри юноша с короткой стрижкой и темных пластинок на глазах ритмично дергал головой, а из повозки доносился жуткий грохот.

Потом проехала большая белая повозка с крестом и цветными огнями сверху. Пронзительно визжа, она умчалась по дороге, заставляя другие повозки в спешке съезжать в стороны.

Прошло не меньше пяти минут прежде, чем Лодин предложил двигаться дальше.

– Нужно идти, леди-пламя, – сказал он, кривясь. – Фарбус говорил о запахе. Но тут такой смрад, что даже королевские розы не перебьют.

– У меня уже в носу свербит, – согласилась я.

– Придется потерпеть, – участливо произнес Лодин. – Понимаю, я ветер, приспособляюсь моментально. А ты, капризная. Но соберись. Ты же помнишь, зачем мы тут?

Я вздохнула.

– Забудешь тут...

Собравшись с духом, мы шагнули из-за угла и двинулись вперед.

Люди, бегущие по краям дороги таращились на нас так, словно мы какие-нибудь разбойники и конокрады, тыкали пальцами, а мужчины сально улыбались и присвистывали. В Звенящей Долине зевак тоже было достаточно, но никто не смел открыто выражать внимание потому, что знали – могу швырнуть огнем, и от них останется горстка пепла.

– Дикари, – пробубнила я, прижимаясь к черноволосому.

Тот идет, вскинув подбородок. Шутовские манеры куда-то делись, в глазах тревога, а тело напряжено так, что вот-вот распрямится струной и начнет крушить врага.

– Ты это видишь? – спросил он.

– Что?

– Присмотрись.

Я стала вглядываться в людей. Все хмурые, даже дети, которые либо вопят и дергают родителей за руки, либо дуют губы. Потом стала замечать, как вокруг некоторых прохожих что-то вроде облачек. Одни темные, у других посветлее, третьи вообще цветные. У облачных взгляды особо цепкие и пронзительные.

Я прошептала:

– Ведьмы...

– Каждая третья, – отозвался Лодин так же тихо.

– И чародейки, шептуньи, ворожеи, желчницы. Даже силовые вампиры...

Лодин прижал меня сильнее и проговорил напряженно:

– Какой-то ведьмин город. Не смотри на них. И так глазают. Кажется, все из-за одежды.

Мы слишком бросаемся в глаза. Нужен местный наряд.

– А если он сгорит? – спросила я, посылая злой взгляд мужику, который беззастенчиво на меня тарашится.

Но тот только расплылся в глупой улыбке, а Лодин произнес:

– Не сгорит. Наши силы ушли вглубь.

– Как жаль, – отозвалась я угрюмо. – Иначе эти мерзавцы давно стали кучками золы.

– Какая страшная и опасная леди-пламя, – попытался пошутить черноволосый, но сейчас его слова прозвучали почти трагично. – Если тут столько ведьм, лучше не высовываться.

Слева за огромным окном заметила застывшие фигуры людей, наряженных так, будто эта одежда может сделать их живыми. Рядом дверь. Над ней надпись, вроде понятная, но будто написанная ребенком, причем левой рукой.

Я указала туда и проговорила:

– Смотри. Там наряды.

– Молодец, – похвалил он. – Идем и возьмем.

Мы вошли в широкое помещение, завешанное перекладинами, на которых плотно висит одежда, такая пестрая, что у меня даже в глазах зарябило. Людей немного, но те, кто есть, вытарашились на нас круглыми глазами, одна женщина даже рот открыла.

Девушка в короткой юбке и таким глубоким вырезом, что даже мне стало стыдно, подбежала к нам и быстро проговорила:

– Извините, сюда в таком виде нельзя.

Лодин посмотрел на нее сверху вниз, девушка кукольно улыбнулась и заморгала ресницами, такими огромными, каких в природе не бывает. Глаза ветра хитро сверкнули, улыбка стала шире, а взгляд остановился на бесстыжем декольте.

Я фыркнула, а Лодин произнес нарочно вежливо:

– Мы здесь именно за тем, чтобы изменить этот вид.

– Что простите? – не поняла девушка.

Лодин пояснил:

– Нам нужен наряд. Для меня и моей спутницы. Такой, чтобы ни у кого не возникло сомнений что мы здесь живем.

Лицо девицы моментально изменилось, губы растянулись в улыбке, а голос стал такой слащавый, что в воздухе почти запахло медом.

– Так вы хотите совершить покупку? – радостно произнесла она, видимо забыв, о нашем виде. – Вы туристы? Откуда приехали?

– Издалека, – уклончиво сказал черноволосый.

Девушка защебетала:

– Тогда вы зашли по адресу. У нас есть все, что нужно заграничному туристу. Вы, кстати прекрасно говорите, совсем без акцента.

– Эм... Спасибо, – пробормотал ветер.

– Одежду какого стиля предпочитаете вы и ваша жена? – поинтересовалась девица, окидывая меня хищным взглядом. Хотя улыбка стала шире.

Лодин покосился на меня через плечо и хмыкнул, а я сложила руки на груди и отвернулась, не желая наблюдать заигрывания бесстыдной подмирской девицы и ветреного Лодина.

Послышался его смешок, потом ветер проговорил:

– Жена? Нет. Это сестра. Родная по... гм... Наверное, отцу. Или матери. Но определенно сестра.

Девушка просияла, словно попала в мишень с двухсот шагов. Она потащила нас к каким-то перекладинам с вещами, произнося какие-то названия и слова, с таким воодушевлением, что, видимо, должны были сразу проникнуться. Мы с Лодином лишь переглядывались.

Потом стала прикладывать разные наряды то ко мне, то к нему. Наконец, всучила обоим по куче вещей и отправила в крошечные комнатки за шторками.

– Я положила вам платье, – произнесла она вдогонку. – Под ваши огненные волосы будет в самый раз.

Радуюсь, что удалось хоть не на долго отделаться от обоих, я закрыла шторку. На одной стене в комнатке обнаружила зеркало во весь рост и простонала. Из-за стекла на меня смотрит невысокая девушка с длинными рыжими волосами, лицо и сорочка перепачкано то ли сажей, то ли пылью, в руках охапка вещей, а взгляд, как у перепуганного котенка.

Пока приглядывалась к отражению, в глубине стекла мелькнуло взбешенное лицо огнекрылого.

Я отшатнулась, внутри все заклокотало потому, что никогда не видела себя такой жалкой и беспомощной.

– Тебя там не может быть, – прошептала я.

Фигура огнекрылого перестала мельтешить и застыла, не сводя с меня пламенного взгляда. Губы зашевелились, а до меня долетели тихие, но разборчивые слова:

– Агата... Что ты сделала?

– О нет, – прошептала я, представляя, как огромная рука Ферала вылезает из зеркала, хватая меня и утаскивает в пылающий мир.

Но тот, видимо, не может пройти стеклянный барьер и продолжает прожигать меня огненным взглядом.

– Я найду тебя. Агата... Ты моя...

– Не найдешь, – сдавленно проговорила я и зажмурилась. – Не найдешь. Я в другом мире. Их сотни тысяч, ты не сможешь попасть и в половину.

Лишь спустя пару минут смогла взять себя в руки и открыть глаза. Зеркало вновь стало нормальным, а я в отражении все такая же включенная и перепачканная.

Бросив вещи на круглый стульчик в углу, я облегченно вздохнула и вытерла лоб.

Большинство нарядов оказались ужасными. Девица надавала мне штанов и исподнего, которое зачем-то подвязано поясом. Были юбки, похожие на ту, в какую одета она сама, а еще сорочки длиной лишь до пояса.

Порывшись в этом непотребстве, все же нашла относительно годный наряд. Красное платье до колен. Когда натянула поверх сорочки и подвязала поясом, оказалось очень недурно. Аккуратная горловинка, рукава по локоть и изящно подчеркнутая талия. Волосы перевязала в пучок на затылке веревочкой, которую вытянула из юбки.

Когда вышла из комнатки, Лодин уже переоделся и сидит на стуле со скучающим видом. На нем почти такие же портки, как были, только из жесткого синего материала, и рубашка без пуговиц с короткими рукавами.

– Наконец-то, – проговорил он, заметив меня. – Я начал засыпать.

– Не то ты говоришь, у видедев девушку в новом платье, – пробурчала я.

Он окинул критичным взглядом мой наряд, потом произнес:

– Платье удачное. Теперь совсем, как местные.

– Лодин, – начала я неуверенно, – там. . .

Лицо ветра моментально посерьезнело, он подался вперед и спросил:

– Что?

– Ферал.

Лодин вытаращил глаза.

– Где? – выдохнул он неверяще.

Я указала на комнатку, из которой вышла и произнесла:

– Там. В зеркале. Он видел меня и пытался говорить. Сказал, что найдет.

Плечи ветра расслабились, он облегченно выдохнул.

– Фух. Напугала. Я уж решил, он, и правда, как-то смог сюда перебраться. Не переживай.

Без Фарбуса ни одно существо не сможет пересечь границу миров. Если мы вернем цветок, естественно. А вот если не вернем. . .

Он демонстративно провел большим пальцем по шее и закатил глаза. Я попыталась засмеяться, но перед глазами все еще лицо огнекрылого, и получилось что-то вроде стоны умирающего.

Девушка подбежала к нам, вся легкая и воодушевленная, улыбка стала широкой, видно почти все зубы.

Она прошептала, все так же улыбаясь:

– Платить будете картой или наличными?

Мы с Лодином переглянулись. Едва успела сообразить, что к чему, как черноволосый ответил:

– Милая барышня, ты, видимо хочешь золота. У нас его нет. Но мы можем отработать эти наряды.

На последней фразе он сделал акцент и подмигнул. Но улыбка девушки моментально погасла, в глазах заблестели искры, а лицо стало строгим, как у королевского советника.

Она произнесла с расстановкой:

– У нас так не положено.

– Тогда мы отдадим долг твоей лавке в следующий раз, – сказал Лодин, разворачиваясь и увлекая меня за собой.

Девушка выдохнула.

– Вы куда?!

– По очень срочному делу, – отозвался черноволосый, направляясь к выходу.

Но девушка простучала каблуками и перегородила путь, глядя так гневно, что мы должны были испепелиться на месте.

– Нужно заплатить, – сказала она с нажимом. – Либо отдавайте товар.

– Но как мы пойдем без одежды? – удивился черноволосый.

Губы девушки искривились, она произнесла едко:

– До этого же как-то шли.

– Шли, – согласился ветер. – А теперь не можем. Никак не можем. Понимаешь?

Лицо девицы потемнело, она уперла кулака в бока и сказала:

– Я понимаю. Очень хорошо понимаю. Таких наглых воров еще не встречала.

– Мы не воры! – не удержалась я.

Девушка ошпарила меня взглядом, с каким тигрица могла бы защищать потомство, потом прокричала в сторону:

– Николай! Иди сюда! У нас тут нарушители. Задержи, а я вызову полицию.

Из-за угла с надписью «охрана» появился мужик, ростом не меньше двух метров. В плечах как два Лодина, а лицо злее, чем у огнекрылого в момент ярости.

Он широкими шагами приблизился к нам и навис горой. Девушка, которая и так не отличается ростом, показалась совсем крошечной, да и я ощутила себя не лучше.

Мужик грозно посмотрел на нас и прогудел:

– Эти?

Девушка быстро закивала.

– Они самые. Придержи их, а я скоро.

Цокая каблуками, как подкованная лошадь, она куда-то убежала, а Николай опустил нам на плечи ладони, напоминающие лопаты и проговорил:

– Ну шо, дебоширы, пошли.

Лодин дернулся в сторону, попытался вывернуться, но Николай сжал пальцы, черноволосый поморщился и с ненавистью посмотрел на него.

– Вы совершаете большую ошибку, – проговорил Лодин тихо, но четко.

Мужик глухо усмехнулся.

– Угу. Ошибку. Давай-давай, топай.

Нас отвели в небольшую комнатку за стеной, увешанной пестрыми платьями и шляпками странной формы. В комнатке оказалось всего два стула, стол с недоеденным супом и кружкой какого-то варева.

Николай указал мне на стул, а Лодина толкнул вперед.

– Сэдьт тута. Тико попробуйте высунуться.

Потом закрыл дверь, послышался звук замка, и мы снова остались вдвоем.

– Ну у него и говорок, – процедил Лодин. – Подмирский...

В комнатке душно, воздухоотводов нет, лишь под самым потолком крошечное окошко, из которого доносятся звуки лавки. Пахнет подгоревшей пищей и чем-то непонятным.

Лодин сидит непривычно хмурый, брови сдвинуты, а взгляд уперся в пол, будто там можно найти ответы. Идеальное лицо, которое несколько минут назад было юношеским, превратилось в угрюмую физиономию разбойника, выдавшего жизнь.

Я пару мгновений думала, как подбодрить, потом сказала:

– Ты ничего не мог сделать. Он слишком большой, а мы лишены силы.

– Не мог, – сквозь зубы проговорил ветер. – Будь я собой, мы бы тут не оказались. Мы бы поднялись на самый верх, где эти безумцы нас не достанут. И полетели бы на крыльях ветра.

Внутри шевельнулась обида.

– Можно подумать, – произнесла я. – Если бы у меня были силы, я бы тоже не переживала. А теперь нас посадили в темницу.

– И мы все еще не знаем, где искать цветок.

– Вот именно, – согласилась я, все больше закипая. – А я рискую не только миром, но еще и Звенящей Долиной.

Он хмыкнул мрачно.

– Если не будет Трехмирья, то глупо думать о какой-то Долине.

– Не смей так говорить!

Внутри тайно надеялась, что такой гнев поможет высвободить мою пламенную суть. Но вся злость носится по венам, а когда достигает кожи – словно ударяется и уходит обратно.

Лодин скрипнул зубами и посмотрел на дверь. Я догадалась, о чем он думает и сказала:

– Не получится. Даже если вышибешь дверь, этот Николай наверняка стережет с обратной стороны.

– Дикари, – процедил черноволосый.

Мы замолчали. Каждый погрузился в размышления. Я представляла, как возвращаюсь обратно, как огонь, родной и теплый, окутывает меня и ласкает кожу, больше нет ни Подмира, ни огнекрылых, ни Вормхола... Ни даже Ферала, который с головой окунул в суровую реальность и рассыпал в пыль мечты о бесконечной любви.

Потом сквозь окошко под потолком долетели голоса. Девичий что-то объяснял. А мужские серьезно спрашивали. Через пару мгновений раздались шаги, замок чиркнул, а когда открылась дверь, перед нами возникли трое мужчин, одетых в темные наряды. У каждого на голове шляпа с гербом, на наряде тоже какие-то гербы и нашивки.

Тот, что стоит ближе всех произнес почему-то весело:

– Что тут у нас? Эти?

Он кивнул на нас и посмотрел в сторону, где, видимо стоит девица. Оттуда донесся ее голос:

– Они. Не хотят платить.

Мужчина посмотрел на Лодина, потом перевел взгляд на меня и все так же весело спросил:

– Ну? И почему не хотите платить?

Черноволосый поднялся, на что мужчины в одинаковых одеждах дернулись и потянулись к поясам. Но, видя, что мой спутник больше не двигается, опустили.

Лодин проговорил:

– Это не правда. Мы готовы оплатить, как можем. Но девушке видимо, нужно золото.

Мужчина хохотнул и покосился на девицу:

– Золото?

Та затараторила:

– Какое золото? Что за ерунда? Мы его даже не принимаем. Все стандартно – карты, наличные, бесконтактная оплата. А они какую-то ересь заладили. И вообще, заявились сюда в неприличном виде. Девушка вообще в ночнушке, лицо раскрашено под боди-арт, в черное. Думала, какие-нибудь ролевики. А они красть...

Лодин проговорил возмущенно:

– Мы ничего не крали. А готовы были отработать одеяния, которые взяли.

Брови веселого мужчины поднялись, он хмыкнул и сказал, обращаясь к остальным:

– Видали, готовы? Ну и прекрасно. Забираем этих.

Мужчины, которые, по всей видимости, его помощники, быстро прошли в комнату. Лодин сжал челюсти, но взглядом приказал мне не противиться и выполнять, что прикажут.

Под пристальным вниманием Николая и девицы нас повели к выходу. Когда оказались у самых дверей, девица процокала каблуками и остановилась возле веселого мужчины с тревожным лицом.

– Куда? – выдохнула она. – А платить?

– Разберемся, – отозвался мужчина чуть менее весело.

Девушка попыталась снова.

– Но они в нашей одежде. Что я скажу начальству?

Веселый мужчина быстро становился не веселым. Улыбка с лица исчезла, а на лбу появились морщины.

– Скажите, полиция разбирается, – произнес он. – Или предлагаете в белье их в участок везти?

– Но они же до этого так ходили.

– А теперь не положено. Не положено говорю.

С этими словами нас вывели из лавки. Перед дверью оказалась большая повозка бело-синего окраса, на крыше цветные сияния. Один из мужчин прошел вперед, открыв дверку, двое других затолкали нас внутрь, потом сели сами. Веселый мужчина сел вперед и схватился за баранку.

Из-за угла вывернули трое, тоже в одинаковых нарядах, и подошли к телеге. В черных мохнатых шапках, похожих на ведра, и в красных рубахах.

– Добре, други! – отсалютовал один из них. – Разбойныкыв впиймалы?¹

Веселый закивал и помахал им.

– Да, работаем.

– Мы тоже робым,² – отозвались мужчины в шапках и пошли дальше по улице.

Когда телега загудела, завибрировала, а потом покатила, будто ее тянет четверка лошадей, внутри все замерло. Я нервно сглотнула и уставилась в окно, где дома поплыли сначала плавно, потом все быстрее, и через несколько мгновений поняла – ни одна лошадиная упряжка не может разогнаться до такой скорости, тем более, быстро.

Ехали молча. Лодин косился на наших пленителей, видимо размышляя, как улизнуть, а я мечтала оказаться дома, в избе у очага, но без Ферала и обязательств, которые на меня свалились.

Мы несколько раз поворачивали, два раза останавливались, а когда телега замерла и перестала гудеть, люди вышли и вытащили нас.

– Где мы? – спросила я Лодина.

Веселый мужчина услышал и ответил вместо него:

– Полицейский участок северного округа. Можете один раз позвонить. А то знаю вас, сейчас начнете требовать телефон адвоката и молотый кофе.

Мы переглянулись, Лодин сказал:

– Я вас не понимаю.

– Это ничего, – проговорил веселый. – Сейчас начнем разбираться, и будет все понятно, все ясно.

Он стал подниматься по ступенькам, остальные настойчиво потолкали нас следом. Когда поднялись, впереди оказалась широкая деревянная дверь с двумя створками. Веселый толкнул, и нас провели внутрь.

Там оказалось шумно. Туда-сюда шныряет народ, раздаются сигналы, кто-то кричит, все в одинаковых нарядах.

Веселый указал на стулья, соединенные друг с другом железными досками, будто кто-то мог украсть, и сказал:

– Ждите тут. Когда дойдет до вас, тогда и поговорим. А сейчас не мешайте и даже не пытайтесь улизнуть. Вы в полицейском участке.

Он и его спутники разошлись и сели за столы, а мы с ужасом наблюдали за суетой и хаосом, который творится в комнате.

Пар раз мимо пробежала женщина с туго стянутыми волосами, она громко ругалась в прямоугольную пластинку, прижатую к уху. Вообще такая пластинка была у каждого. Время от времени они прижимают ее к уху, но чаще просто смотрят на нее, потом убирают в карман.

Я прошептала:

– Фарбус предупреждал, Подмир страшное место. Но не думала, что на столько. Почему они кричат в эти пластинки.

– Возможно это какие-то магические артефакты, – предположил Лодин.

– Но Фарбус сказал, в Подмире нет магии. Он слишком плотный для нее.

Лодин поморщился и проговорил:

– Фарбус никогда не покидал хранилища. Откуда ему знать?

– Но он же смотритель.

– И что? – удивился ветер. – Думаешь, если бы я строго следовал его инструкциям, у меня бы получилось выкрасть тебя прямо из рук огнекрылого? Фарбус очень мудр, но о мирах знает только то, что позволяет его пост.

Я задумалась. Если до этого задача была более-менее понятной, то теперь в голове снова каша, а в груди в который раз за сегодня страх.

– Значит, попасть в лапы к этим одинаковым входило в твои планы? – поинтересовалась я.

– Конечно, – невозмутимо ответил ветер. – Нам нужно было выбраться из той лавки, подальше от медведя-Николая. Заметь, это блестяще удалось.

Я буркнула:

– Заметила. Да только мы теперь в другом плену.

– Не торопись, – посоветовал Лодин. – Ветер, знаешь ли, часто меняется. Нужно просто дождаться и поймать поток.

– Это ты ветер, – проговорила я, косясь на его идеально вылепленный подбородок, который вновь стал юношеским, а взгляд цепким и шутовским. – А я огонь. Мне условия нужны. Я так быстро меняться не умею.

– Ничего, я помогу. Раздую жар посильнее, если понадобится.

– Утешил, – сказала я, качая головой.

Чтобы отвлечься от тревоги и дать Лодину спокойно подумать, как вытащить нас из плена, стала разглядывать помещение.

Помимо одинаково одетых людей, были еще другие. Они, как и мы, сидят у стен на стульях. Лица угрюмые, один все время дергает ногой, притопывая пяткой. В самом углу щуплый парень, одетый в серый балахон на несколько размеров больше него. Взгляд такой, словно не замечает происходящего, а люди для него не больше назойливых мух.

Потом привели еще одного человека – большого и белокурого. Такие лучше всего справляются с плугом и сохой потому, что обладают не дюжей силой. Видимо, поэтому на запястьях блестят металлические браслеты, наподобие кандалов, только маленькие.

Когда проводили мимо, он посмотрел на меня, будто готов сожрать на месте, и жутковато улыбнулся.

Я прижалась к Лодину, тот покосился на меня и спросил:

– Ты чего? Не забывай, мы родственники. Так что...

– Тебе бы все шутить, – отозвалась я.

– А почему нет? – удивился он. – Смех жизнь продлевает. Ну, чего жмешься?

– Вон тот, – сказала я, кивая на громилу, – страшно смотрит.

Ветер оглядел его хмуро.

– Мда. Действительно. Дай мне еще пару минут. Скоро ветер переменится...

Пока он изучал ветряные потоки или что-то там, щуплый парень в углу поднял голову и почему-то посмотрел прямо на меня. Я поспешно отвела взгляд, надеясь, что потеряет ко мне интерес, но когда украдкой на него взглянула, парень все еще сверлил меня взглядом.

Тем временем громилу усадили за дальний стол перед веселым мужчиной и принялись о чем-то расспрашивать. Тот отвечал нехотя, хмурил брови и скалился, как голодный волк.

Когда веселый отвернулся, громила вдруг вскочил и выхватил у него из-за пояса черный изогнутый предмет.

– Всем не двигаться! – прогудел он густым басом. – Не двигаться я сказал!

Люди в одинаковой одежде застыли, щуплый с интересом уставился на громилу, а Лодин забегал взглядом.

– Вот ветер и поменялся, – пробормотал он.

Громила снова закричал:

– Всем отойти! Вы пожалеете, что связались со мной!

Пятясь, он стал медленно продвигаться к выходу. В этот момент один из людей, что стоял ближе всех напрыгнул на него со спины, пытаясь выхватить изогнутый предмет. Другие люди тоже кинулись на громилу, завязалась драка.

Лодин схватил меня за руку и вскочил:

– Сейчас! – скомандовал он.

Как перепуганные кролики, мы метнулись к двери. Оказавшись на улице, помчались через три ступеньки вниз. Лодин тащил меня, подбадривая и дергая, чтобы быстрее шевелила ногами.

Здание пленителей осталось позади, а мы все еще бежали, заставляя прохожих расступаться с недовольными криками. Впереди через дорогу показались двое людей в одинаковой одежде.

– Смотри! – вскрикнула я. – Это их сообщники!

Лодин резко затормозил.

– Проклятье! – выругался он.

В этот момент перед нами остановилась серая телега, окно открылось, из нее высунулась голова щуплого парня.

– Садитесь, – приказал он.

Недолго думая, мы метнулись к задней дверце. Лодин моментально разобрался с ее механизмом, и через пару секунд серая телега уносила нас в неизвестном направлении.

¹«Добре, други! – отсалютовал один из них. – Разбойныкы впиймалы?» – Приветствую, друзья! – отсалютовал один из них. – Разбойников поймали?»

²«Мы тоже робым» – мы тоже работаем.

Глава 3

Я смотрела на мелькающие в окне дома и думала о том, какая магия заставляет повозку двигаться самостоятельно, да еще с такой скоростью. Потом вспомнила, это Подмир, магии тут быть не может, и решила непременно узнать, как может действовать то, что действовать не может.

Мы с Лодином сидим на заднем сидении, черноволосый напряжен, сосредоточен и совсем не похож на шута, каким был в хранилище. Я хмыкнула. Ветер переменчив. Только что дул веселый легкий бриз, а через пять минут налетит шквал, раскидает телеги с сеном, посрывает крыши с домов.

На переднем кресле шуплый парень, который при ближайшем рассмотрении не такой уж и шуплый. Если бы не заостренные черты лица и безразмерный балахон, который делает фигуру непонятной, можно было бы назвать симпатичным.

Сiju чуть по диагонали, поэтому вижу лишь часть лица. На щеках однодневная щетина, нос прямой, губы тонкие и плотно сжатые. Парень смотрит вперед, иногда поворачивая голову, тогда мне видно глаза цвета стали, задумчивые и внимательные.

– Я Фил, – сказал он не оборачиваясь. – Вообще Филлип, но так даже родители не называют.

Снова повисло молчание, которое прервал Лодин. Он спросил:

– Почему ты нам помогаешь?

Фил ткнул на цветную пластинку рядом с правой ногой, по телеге растеклась музыка, какой прежде не слышала. Словно сотни невидимых трубадуров играют на волшебных инструментах.

Я выдохнула восторженно:

– Что это?

Фил бросил небрежно:

– Станция «Инструментальная классика». В машине только это ловит. Хотя другого не слушаю. Классика на мозги хорошо влияет. А я люблю, когда мозги работают.

Мы с Лодином переглянулись, он повторил:

– Почему ты нам помогаешь?

– Да так, – произнес Фил, вертя баранку телеги и заставляя ее поворачивать направо. – По пути было. Видел, как вы улепетывали под шумок из отделения. Я, к стати, был занят тем же. Только у меня машина припаркована была. А у вас, как вижу, нет. Ну?

– Что «ну»? – не понял Лодин.

– За что вас? – пояснил Фил.

– А тебя за что? – вопросом на вопрос ответил ветер.

Губы Фила поползли в стороны, я решила, что улыбка ему идет, но все-таки подмирец не в моем вкусе из-за слишком острых черт и длинного подбородка.

– Подумали, что я украл данные с серверов одной компании.

– Ты разбойник? – спросил ветер.

Фил даже оглянулся, взгляд стал внимательным, а глаза прищурились. Он изучал Лодину, пока проезжающая мимо телега не загудела протяжно и неприятно. Тогда он резко развернулся, выравнивая баранку и сказал:

– Я не разбойник, а исследователь. Если бы у них на меня что-то было, они скорее всего, завербовали бы куда-нибудь. Я ничего не беру и ничего никому не сливаю. Считайте это любопытным спортом.

Брови Лодина сдвинулись. Как и я, он ничего не понял, но видимо решил держать с этим Филом ухо в остро. Мне же он показался не опасным и, наверное, очень умным, раз может управлять такой телегой.

Откуда-то раздался мелодичный звук, я завертела головой, Лодин одернул меня и посмотрел строго, мол, не выдай нас своим невежеством. Пришлось замереть, ожидая, что источник звука сам проявит себя.

Фил ткнул на блестящую пластинку и поднес к уху.

– Да, – громко сказал он, перебивая волшебных трубадуров, которых назвал «станция инструментальная классика». – Еще два сервера? Вы там совсем обалдели? Я сутки поднимал предыдущий.

Я осторожно наклонилась к Лодину и спросила шепотом:

– С кем он говорит?

– Не знаю, – ответил он не оборачиваясь таким же шепотом. – Но если бы хотел нас убить, мы бы об этом уже знали.

Фил тем временем продолжал вещать, одной рукой время от времени поправляя баранку:

– Нет, погодите. Мы договаривались на один сервер в месяц. Остальное оплачивается по двойному тарифу... Нет, ночью не поеду... Что?.. Нет, я ночью тоже сплю.

Он оглянулся и бросил через плечо, виновато сдвигая плечами:

– Извините. Это с работы, так сказать. У них сервер грохнулся.

Потом снова развернулся, выравнивая телегу и продолжил говорить с невидимым собеседником:

– А вы мне не угрожайте, а то на удаленное администрирование уйду... Чего? Ну знаете, у меня своя резервная копия есть. Все-все, приеду, как будет время.

Он скользнул пальцем по пластинке и сунул ее в карман. Очень хотелось спросить, что это, с кем он говорил, и что все это значило, но взгляд Лодина заставил сидеть молча.

Фил снова повернул повозку, и мы выехали на широкую дорогу, где носятся телеги разных размеров и цветов. Иногда проезжают размером с дом, но встречаются и маленькие, еле один человек помещается.

Наша телега выехала к самому левому краю и помчалась, как сотни запряженных лошадей.

Я вжалась в сидение и вцепилась в ручку на двери. Она оказалась странной на ощупь, словно сделана из застывшего масла. Лодин заметил испуг и положил прохладную ладонь мне на пальцы. В этот раз скидывать не стала, в душе радуясь, что могучий ветряной родственник со мной.

Фила, похоже, скорость телеги вообще не волновала. Сидит расслабленный, откинувшись на спинку, правая рука на каком-то рычаге, левая повисла на нижней части баранки.

– Ну так что? – спросил он. – Хоть расскажите, кому помогаю. Кто вы, где вас высадить?

Я неожиданно даже для себя проговорила:

– Меня зовут Агата, я огонь. А это Лодин, он ветер.

Фил покосился на нас и присвистнул.

– Ролевики? – спросил он, потом сам же ответил: – Ролевики-то за что в полицию? Вы же безобидные. Или нет? Что натворили?

– Мы ничего не творили, – произнесла я, чуть осмелев. – Просто чтобы найти цветок, нам нужна была одежда...

Лодин пнул меня в бок, я ойкнула и сердито посмотрела на него. Взгляд ветра потемнел, в глазах словно буря поднялась, и я поняла – внутри него заперт настоящий ураган.

Поежившись, замолчала и опустила взгляд в пол, где на ковриках из странного материала рассыпаны хлебные крошки.

Фила, похоже, мой рассказ не удивил. Он понимающе кивает и цокает языком. Спустя пару минут проговорил:

– Я раньше тоже занимался всяким таким. Костюмы там, сценарии. Выезжали за город и разыгрывали сцены из фильмов. Но потом как-то поднадоело. Тем более, я люблю качественную работу, а мой ролевой клуб как-то... Ну, в общем, просто наряжались во что попало и думали, они эльфы. Халтура в общем. Вот косплееры и реконструкторы – это да.

– Ролевики... – повторила я, размышляя над значением слова.

Фил снова кивнул.

– Ага. Но я уже не стал заниматься ни тем, ни другим. Когда понял, что можно зарабатывать мозгами, полностью ушел в, гм, свое дело. Ну и по старой дружбе помогаю то там, то тут.

Лодин сверлил затылок Фила, словно надеялся высмотреть его потаенные мысли, подловить на чем-то, но тот непринужденно управляет телегой и поглядывает по сторонам.

– Куда ты нас везешь? – спросил Лодин.

– А куда вам надо?

Черноволокный быстро глянул на меня, я пожал плечами. Тогда он произнес:

– Расскажи нам об... этом поселении.

Фил впечатленно выдохнул.

– Так, – сказал он, – а вот это уже любопытно. Вы не местные. И, судя по вашим круглым глазам, прибыли издалека. Прямо очень. Где остановились?

– Пока нигде, – ответил Лодин.

– Зато успели побывать в полицейском отделении, – усмехнулся Фил. – Молодцы, ловко. За вами никакой интерпол не гоняется случайно? А то везу, на свой страх и риск.

Боясь, что единственный помощник в этом безумном мире может нас прогнать, я подавалась вперед, схватившись за спинку переднего сидения и проговорила быстро:

– Честное слово, мы не знаем, кто такой интерпол. Мы никогда его не видели и не ссорились с ним.

Фил снова оглянулся на нас, на этот раз озадаченно. В глазах непонимание и настороженность, словно и впрямь размышляет, не высадить ли нас прямо тут, среди множества телег.

– Не знаете интерпол? – проговорил он с сомнением. – Это хорошо, что не знаете. Нечего его знать...

Потом повернул баранку направо, телега прижалась к правой стороне, потом свернула и поехала по кругу вниз. Через некоторое время дорога вновь пошла прямо, по краям стены деревьев, я на секунду почувствовала себя дома, где бескрайние леса, голубое небо и золотистое солнце.

Другие телеги исчезли, и мы мчимся по вечерней дороге куда-то вдаль. Я украдкой поглядываю на Лодина и на Фила. Если первый делает вид, что спокоен, хотя в глазах мелькают маленькие вихри, то второй напряжен и, время от времени, косится в зеркало под потолком.

Несколько минут ехали молча, погруженные в музыку невидимых трубадуров, потом они стали хрипеть, а затем вовсе превратились в шипение. Фил ткнул куда-то и в телеге стало тихо. Только небольшой гул колес и вибрация снаружи.

Он спросил, хмуря брови:

– Все-таки, откуда вы?

На этот раз ответил Лодин, который быстрее приспосабливается к условиям, как и положено воздуху:

– Из очень далекой страны.

– Такой далекой, – уточнил Фил, – что даже не называешь?

Лодин нарочно пожал плечами.

– Она так далека и так неизвестна, что название тебе ни о чем не скажет, – произнес он. – Но могу заверить, твой интерпол туда ни разу не приезжал.

Фил охнул и поплевал через плечо.

– Радуйся, – сказал он. – Уж лучше вообще о них ничего не знать. Хотя тут своих хватает... Так. Ну хорошо. Вы приехали из какой-то дыры. Извините, не обижайтесь. Попали в лапы полиции. За что?

Я вздохнула и произнесла тихо:

– Из-за одежды.

– Одежды? – не понял Фил.

Лодин строго посмотрел на меня, а сам проговорил:

– Девица не захотела брать нашу плату и вызвала стражей закона. А они затолкали нас в ту телегу и привезли в... сам знаешь куда.

Фил кивнул.

– Знаю. И понимаю. Не стали принимать вашу валюту. Надо было с начала в обменник, там поменяли бы на наши деньги.

Я пробурчала:

– Не уверена, что это вообще возможно.

– Ну не с золотом же вы приехали, – усмехнулся Фил. – Хотя даже если с золотом. Его в любом банке можно продать и получить свое. Только нужны документы. Иначе решат, что краденое.

На пустой дороге машина набирает скорость, деревья мелькают быстро, даже не успеваю понять, дубы или клены. К движению немного привыкла и уже не вжимаюсь в сидение, но пальцы все еще сжаты на ручке.

Солнце серебрится на блестящем носу телеги, и Фил щурится, как кошка на пороге в летний вечер. Когда приоткрыл окно, в щель ворвалась тугая струя воздуха. Волосы Лодина затрепыхались, он блаженно закрыл глаза, словно вот-вот растворится в родной стихии. Но вместо того, чтобы стать прозрачным, как в хранилище, и взлететь на облачке, лишь выпустил из носа голубоватый вихрь. Тот ударился в спинку сидения и растворился.

Фил снова достал прямоугольную пластинку и стал что-то в ней тыкать, а я потеряла зудящую шею и шепнула Лодину:

– Не получается? Ветром стать не получается?

Черноволосый покачал головой.

– Нет, – ответил он таким же шепотом. – Я чувствую, как внутри меня бушуют ветра, словно я пустая оболочка. Но они не могут вырваться на свободу.

– Понимаю... – отозвалась я. – Что нам делать? Этому Филу можно доверять?

– Не знаю. Это Подмир. Тут может произойти что угодно. Но нам нужен кто-то, кто сможет провести по нему. Здесь все не так, как у нас. Они даже говорят странно. Слова знакомые, но смысла нет.

– И что? – спросила я снова. – Мы ему расскажем?

Черноволосый поморщился, словно ему наступили на пальцы. По лицу, вижу, Фил ему не очень нравится, но все, кого мы встречали до этого, были еще хуже. А проводник в Подмире действительно нужен.

Лодин сделал глубокий вдох и произнес:

– Ты слышал о Трехмирье?

Фил отозвался, все еще тыкая пальцем в пластинку, из-за чего на дорогу смотрит урывками:

– Это РПГ или стратегия?

Мы переглянулись в очередной раз.

– Думаю, ни то и ни другое, – с сомнением произнес Лодин.

– Тогда не играл, – сообщил Фил. – Я сейчас вообще меньше играю. Раньше мог сутками из дома не выходить. Качал персов, одевал. Сами понимаете. А теперь... тоже могу не выходить, но по другой причине. Так что за игрушка?

– Игрушка? – не понял черноволосый.

Я подсказала шепотом:

– Наверное, он решил, что это какая-то забава. Что Трехмирье, это забава, игра.

– Ах вот оно что, – пробормотал Лодин, и уже громче произнес: – Нет, это не забава и не игра. Трехмирье это... Мир.

– Ну, все игры, это мир, – согласился Фил. – Разработчики стараются так все расписать, проработать, что ух!

Лодин прочистил горло, явно недовольный выводами подмирца, и сказал:

– Никаких разработчиков и игр, Фил. Когда я сказал «мир», я имел ввиду такой же мир, как ваш, только другой.

Фил покосился через плечо, забыв об управлении телегой и прямоугольной пластинке. Даже не знаю, как без лошади повозка умудрилась ехать прямо.

Потом снова обернулся к дороге и проговорил озабоченно:

– Вы, случайно, веществ не употребляете в своей далекой стране?

– Не понимаю тебя, – хмуро отозвался ветер.

– Ну, – попытался пояснить подмирец. – Чего-то, от чего могут привидеться всякие сказки. Трехмирье какое-нибудь или другая ерунда.

Внутри все закипело. В груди словно растеклась лава, и если бы мы были дома, запустила бы в этого Фила огненный шар потому, что начала терять терпение.

Я проговорила громко, чувствуя, как на языке пляшут частицы пламени:

– Трехмирье не сказка и не ерунда! Это наш дом!

– Он случайно не огорожен железным забором с током по периметру? – опасливо поинтересовался Фил. – А внутри не ходят люди в белых халатах?

По венам потекло раскаленное пламя, но ударившись о кожу, обиженно уползло обратно вглубь.

– Слушай, мы плохо понимаем твою речь, – проговорила я. – Но нам нужна помощь в этом безумном мире. Помощь, понимаешь? Мы посланы сюда с задачей. И если не выполним ее, может случиться большая беда.

Фил уже смотрел на нас, как на ненормальных, глаза округлились, и без того тонкие губы сжались, образовав едва заметную полоску.

– Вот так и помогая людям, – пробормотал он.

Я не отступала.

– Ты должен нам помочь! Должен! Нужно найти цветок и забрать его отсюда. Лодин – ветер. Настоящий. А я – огонь. А это безумный Подмир, откуда может грозить страшная опасность.

Фил побледнел. Но почему-то кажется, не от осознания возможной опасности. Он нервно косится на меня, на Лодина поглядывает в маленькое зеркало под потолком, а машина все набирает скорость.

Фил быстро глянул в пластинку, в этот момент дорога забрала в право, а когда поднял голову, машина уже летела с обочины по траве.

Я закричала и растопырила руки, Лодин схватил меня и прижал к себе, умудряясь чудесным образом балансировать между потолком и сидением. Но когда телегу перевернуло и завертело, его руки разжались и меня снова стало швырять по повозке. Потом послышался звук разбиваемого стекла. Фил вылетел в боковое окно. Затем оторвалась дверца со стороны Лодина и его будто высосало из повозки. А меня продолжало крутить, как в молотилке.

Перед глазами проносились вся жизнь. Мама, походы в лес, разжигание костров на праздник весны, пастуший сын и его выбор не в мою пользу. Даже верховный маг с огнекрылым.

В груди страшно ухаёт и жжёт, будто там расплавленная глыба, которая не может найти выход. Сквозь зум в ушах слышу собственные крики, а перед глазами мутная круговерть.

Время от времени, смазанная и размытая, в воздухе появляется физиономия Ферала. Кажется, он меня видит и перепуган так, что глаза превратились в плоски.

Откуда-то донеслось:

– Не смей погибать! Ты моя!

– Т-тебя только не хвата-ало-о! – прокричала я, пытаюсь растопырить конечности, чтобы не швыряло на стены.

Когда телега остановилась, я с вытаращенными глазами застыла, пытаюсь понять, жива ли, или уже попала в Верхний мир. Видение Ферала исчезло.

Попробовала пошевелиться, но ногу пронзила острая боль, будто ее жевал дракон.

Попыталась отодвинуть прижавшее ее сидение и заметила, как впереди в выемке рядом с рычагом плавится что-то маленькое и прямоугольное. Оно быстро сморщилось, когда поверхность пошла дырами, телега наполнилась резковатым запахом, затем накидка сидения вспыхнула.

Я охнула от неожиданности. Несмотря на то, что огонь моя суть, дышать чем-то едким стало трудно, словно горит не привычное дерево или солома, а нечто демоническое.

Когда оглянулась, в оторванную дверь увидела Фила, быстро хромающего к телеге, и Лодина. Он держится за бок, но тоже торопится к повозке.

– Вылезай! – закричал Фил, размахивая руками. – Машина горит!

– Я заметила, – буркнула я и снова повернулась к креслу.

Накидки и сидения охватило пламя. Оно быстро перекинулось на заднее место, и я оказалась охвачена огнем.

Когда кожа ощутила ласковое прикосновение оранжевых языков, я облегченно вздохнула. Это означает, что моя суть действительно никуда не делась, а лишь скрылась под неожиданно затвердевшей плотью. Но пламя все такое же родное и уютное.

Фил остановился в нескольких шагах от телеги, пытаюсь закрыться руками от жара. Время от времени порывается броситься вперед, но видимо чувство самосохранения не пускает.

Потом подошел Лодин и стал спокойно смотреть, пока я тужусь, пытаюсь отодвинуть охваченное огнем сидение.

До ушей донеслись испуганные слова Фила.

– Машина рванет! Ее надо вытаскивать! Она сгорит!

– Не сгорит, – произнес Лодин.

– Да ты спятил! – заорал Фил. – Звони в службу спасения! Мой смартфон остался в машине!

Когда я все же смогла приподнять сидение и вытащить ногу, Лодин произнес, указывая на меня:

– Смотри.

Подмирец охнул, Лодин довольно сложил руки на груди. Они наблюдали, как я переворачиваюсь и ползу на четвереньках по полыхающей телеге, как выбираюсь из двери, а потом с недовольным лицом иду к ним.

По мере приближения лицо Фила вытягивалось, глаза кругтели, а челюсть рисковала упасть в траву. Зато Лодин стоит с победным видом, словно только что доказал самому верховному магу не правоту.

Подойдя к ним, я произнесла:

– Мое платье испорчено.

Лодин окинул меня критичным взглядом и сказал:

– Честно сказать, в таком виде ты куда привычнее, леди-пламя.

Я посмотрела вниз. Подол прогорел до самых бедер и ноги теперь бесстыдно видны, на рукавах дыры, а руки черные, будто пол дня чистила трубы.

Фил все еще тарашится, как на привидение, которые вообще-то обычно мирные, если не лезть без просу в их дома. Мне стало не уютно, попыталась запахнуть, но вспомнила, что плаща нет. Пришлось подойти к Лодину и встать у него за спиной.

Фил, наконец, обрел дар речи. Голос прозвучал хрипло и сбивчиво.

– Это как... Это кто... Как это... – забормотал он.

Лодин оглянулся на меня, потом произнес:

– Послушай. Она говорил правду, когда назвала нас ветром и огнем. Пламя ей безвредно.

Но нам действительно нужна помощь.

– П-помощь?

– Да, – согласился Лодин. – Помощь. Так случилось, что в этом мире у нас нет никого, кто мог бы объяснить, как тут все устроено. Кроме тебя.

– Кто вы такие? – пробормотал подмирец, шумно сглатывая. – Что вы такое?

Лодин сделал шаг в сторону и положил мне на плечо прохладную ладонь, затем произнес, глядя в глаза подмирецу:

– Мы стихии.

Фил зажмурился и с силой потер ладонями щеки. Несколько мгновений стоял, словно надеялся, что мы исчезнем, как дурной сон вместе с его сгоревшей телегой. Но когда открыл глаза и обнаружил нас на месте, из груди подмирца вырвался стон. Он резко развернулся и пошел в сторону деревьев.

Я крикнула:

– Ты куда?

– Домой, – отозвался Фил, не оглядываясь. – Через защитку.

– А мы?

– Вы... – долетело до нас. – Чем бы вы ни были, вам лучше следовать за мной, пока машина не взорвалась.

Лодин цапнул меня за руку и потащил следом за Филом. Едва отошли на пару десятков метров, сзади грохотнуло, нас подкинуло понесло вперед. На лету Лодин успел обхватить меня и спрятать, как в коконе. Я моментально ощутила себя в безопасности, словно сам воздух окутал, как бывает, когда от ветра разгорается пламя. В эту секунду поняла, мы действительно родственники, а его шутки, всего лишь шутки.

На землю упали в таком же положении. Лодин быстро подскочил, приводя меня в вертикальное положение, и покрутил головой. Я тоже стала смотреть по сторонам. Когда увидела в траве Фила, указала пальцем и крикнула:

– Там! Смотри, он там!

Мы подбежали, я стала быстро проверять его, нет ли ранений. Только коснулась низа спины, Фил резко поднял голову и стал отплевываться от травы.

– Надо было идти быстрее, – пробормотал он.

– Ты не ранен? – спросила я.

Фил не ответил. Молча встал, отряхнулся и, не оглядываясь двинулся в том же направлении. Я посмотрела на Лодина, мол, что дальше. Тот пожал плечами и кивнул в его сторону.

Через пару секунд мы снова шли за нашим спасителем, стараясь держаться на некотором расстоянии.

То, что он назвал защиткой, оказалось вполне приятным леском с птицами и белками. Одна бесстрашно спустилась по стволу и с поднятым хвостом подбежала ко мне. Но когда поняла, что у меня еды нет, упрыгала обратно.

– Думаешь, он нам поверит? – спросила я Лодина.

Тот идет с приподнятой головой. Настроение значительно улучшилось, выражение лица время от времени становится привычно лукавым и шутовским. Лишь, когда замечает мой взгляд, снова делает вид, что суров и серьезен.

Он проговорил:

– Думаю, он у же начинает верить. Как бы ты себя вела, если бы вдруг узнала, что к тебе пожаловали гости из Подмира?

– Уж точно не молчала бы, – проговорила я. – Завалила бы их вопросами. Еще бы. Это же гости из Подмира. Да хоть из любого другого. Утром я вообще только Трехмирье знала... Так что, да. Мне было бы очень любопытно.

Лодин хмыкнул.

– Видимо, наш спутник не такой любознательный.

– Знаешь, – проговорила я, глядя в небо сквозь листву, – теперь я понимаю, откуда во мне такое любопытство. Всегда считала себя человеком, пусть и ведьмой, а оказалось...

– Стихия.

– Да.

– И что? – спросил Лодин. – Это что-то изменило?

Я попыталась объяснить:

– Огню положено стремиться захватить как можно больше. Расширяться и полыхать до самых небес. Потом у и хочется узнавать все новое. С начала робко, как лучина, а потом превращаться в настоящий пожар.

– Ты с пожарами аккуратней, – посоветовал Лодин. – Значит, тебе нравится твоя новая ипостась?

Я кивнула и произнесла:

– Да. И новоприобретенные родственники тоже.

Ветер ухмыльнулся и легонько толкнул меня в плечо. По коже от его прикосновения прокатился холодок, я провела пальцами, смахивая мурашки и улыбнулась. А Лодин сказал:

– Ну, мне тоже нравится новая родственница, леди-пламя.

– Надеюсь, не в смысле...

Он отмахнулся.

– Не переживай, леди-пламя. Я чту родственные узы. Тем более, такие. Вот если б не были родней... Хо-хо. Даже немного жаль... Но поверь, ни с кем ты не можешь быть в большей безопасности, чем со мной. Я ветер. Воздух. Я везде.

Я смущенно насупилась и проговорила:

– Хм, надеюсь. Но одно смущает.

– Например, – поинтересовался ветер.

– Мы ведь и познакомиться не успели, как следует, – сказала я. – Фарбус просто вытолкнул с миссией, не дав опомниться.

Лодин прищурился и хитро посмотрел на меня, лицо на секунду стало таким же беспечным, каким было возле Вормхола.

– Хочешь познакомиться? – спросил он.

– Было бы не плохо, – ответила я. – Ты часто меняешься. Хотелось бы понимать, с кем имею дело.

Он прыснул.

– То есть, моего обещания защищать тебя не достаточно?

– Не достаточно, – сообщила я. – Давай. Рассказывай.

Лодин снова окинул меня таким взглядом, от которого по коже пробежали огненные муравьи, а в груди часто застучало. Я мысленно возблагодарила богов за то, что он мой родственник, а не чужой мужчина, разбивающий сердца.

– Ну хорошо, – сказал Лодин. – Слушай. Мое имя ты знаешь. Родился в семье богатого купца из Верхнего пути, это долина такая, если не в курсе.

Я буркнула:

– В курсе. Думаешь, раз я девушка, значит сразу глупая?

Лодин засмеялся.

– Почему глупая? – спросил он. – Я вообще люблю девушек. Как же их не любить? Дальше рассказывать? Ну так вот. Жил и рос, не зная лишений, всего было в достатке. Отец торговал с верховными магами других долин, а те платят очень щедро.

Я спросила с ухмылкой:

– Поэтому ты ведешь себя, как избалованный шут?

Улыбка Лодина стала шире, и я подумала, что с такой внешностью ему нужно быть королем, только с характером придется что-то сделать. Он заметил, как разглядываю его и проговорил довольно:

– Именно. А еще потому, что в двадцать лет узнал, что вообще не человек.

– Как? – выдохнула я.

– Вообще было забавно, – стал рассказывать он. – Две недели кашлял. Никто не мог помочь. А кашлял так, что слуги на нижних этажах спать не могли.

Я протянула впечатленно:

– У тебя и слуги есть?

– Есть, – сказал он. – Но я не об этом. В общем, кашлял, кашлял. Маг Верхнего пути ничего не нашел, сказал, переживаю много. Или наоборот, бездельничаю. От того и кашель. Дал какое-то снадобье и отправил домой. Снадобье я выпил. Но кашель как был, так и остался. Тогда мать в тайне от отца, отправила меня к одной ведьме в Гнилую пасть.

Я охнула, прижав ладонь к губам, а Лодин продолжил:

– Да-да. Именно туда. О дороге говорить не буду. Скажу лишь что девушкам туда лучше не соваться. В общем, эта ведьма возилась со мной неделю, а на седьмой день вдруг давай орать. Мол, вздумал над ней шутить.

– Почему? – удивленно спросила я.

Лодин переступил поросший мхом пенек и сказал:

– Не знаю. Говорит, я вообще не человек, а ветер, принявший человеческий облик. И пришел подшутить над ней, а она старая и уставшая. В общем отругала, сказала, чтоб в таком виде больше к ней не являлся.

– Как-то несправедливо, – заметила я. – Ты ведь сам не знал. Какое право она имела на тебя кричать?

Он сдвинул плечами и усмехнулся.

– Значит, ты на моей стороне? Приятно. Но вообще у нее было интересно. Много нового услышал. Точнее, подслушал. Ты, например, знала, что коты, вороны и яги могут перемещаться между мирами без Вормхола и цветков?

Я даже охнула, прикрыл рот ладонью. Потом спросила, не веря ушам:

– Но как это? Почему Фарбус ничего не сказал?

Лодин отмахнулся и произнес:

– Он и не должен был. Коты, вороны и яги это... как бы... Слово какое-то ведьма говорила... тренценде... трансцендентальное... Не помню. Они, вроде, и во всех мирах, и одновременно не принадлежат ни одному. Она еще кого-то называла. Но я не запомнил. Слишком замороченная ведьма.

– А разве они не могут сами забрать этот цветок? – спросила я.

Ветер показал головой.

– Видимо, не могут, если стихий посылают. Да и не видел я котов, который букеты рвут.

– А яги? – не отступала я, не имея понятия, кто это такие.

– Не чувствуют, – уверенно сообщил Лодин. – Фарбус говорит, только стихия может ощутить запах цветка. Да и кто знает, может, в Подмире их нет. Как в Гнилой пасти или в Верхнем пути. Кто знает, где яги еще остались. А вообще, мне жилось спокойно, пока та ведьма не вправила мозги. Но я не жалуясь.

Он подмигнул, а я вздохнула. В голове промелькнули образы из детства, когда никто из детей не хотел со мной играть после того, как случайно подожгла волосы пастушьему сыну. Всего лишь макушку, а он вопил так, словно обожгли, как петуха перед варкой.

Когда заметила, как Лодин на меня вопросительно смотрит, проговорила:

– Что ж, тебе повезло больше.

Он пожал плечами, подняв взгляд на спину Филя, который идет далеко впереди и даже не оглядывается.

– Может быть, – сказал ветер. – Твоя очередь вещать.

– Да нечего вещать, – бросила я. – Ты почти все знаешь.

– Но все-таки.

Я покосилась недовольно, но он смотрит выжидательно, такой точно не отстанет.

– Ладно, – сказала я. – Слушай. Но тут ничего интересного. Родилась в той избе, где ты сегодня продырявил крышу. Мать растила меня одна. Друзей нет. Все с детства боялись, что подожгу. А дом и так находится на самом отшибе. Так что общения с собой было достаточно.

– Сочувствую.

– Да нечему, – фыркнула я. – Уж лучше одной, чем с толпами зевак, которые хотят поглазеть на вспыхивающую девушку. Потому, что платье на ней сгорает до нитки.

Лодин снова расплылся в улыбке. На плечо села жирная муха, он замахал на нее, муха поднялась и с недовольным жужжанием улетела в ветки.

– Я бы тоже поглазел, – произнес он. – Ну так, для эстетики. Мы же, вроде, как родственники.

– Я тебе поглазею, – пригрозила я, отведя руку назад, но с запозданием вспомнила, что в этом мире огонь не вызвать. Пришлось опустить. – Тебе жениться надо, чтоб усмирить ветренность.

Ветер замахал руками.

– Не поможет, – сказал он, усмехаясь. – Ты давай, рассказывай. Не уходи от темы.

Я сделала глубокий вдох и продолжила:

– Потом выяснилось, что с моей помощью можно избавиться от огнекрылых. Когда нагрянул Ферал, меня пообещали отдать ему в ночь Лунного сияния. Я согласилась, иначе моя любимая Звонящая Долина превратилась бы в пепел. Вот и все.

Лодин нахмурился. Лицо быстро потемнело, как готовая прорваться грозная туча, жвалки заиграли, а в глазах завертелись вихри.

Он отвернулся и проговорил:

– Это жестоко и не честно.

– Они сказали, что у меня был выбор, – горько усмехнулась я.

– Не было, – процедил Лодин.

– Вот и я о том же.

Лесок резко кончился. Перед нами возникла грунтовая дорога, будто кто-то проложил ее ровно до деревьев, но дальше возиться не стал. Впереди небольшой дом с несколькими постройками пониже. Фил быстро шагает в направлении к нему.

Мы поспешили, боясь, что запретят и не впустят. Но едва поднялись на порог, Фил прошел к столу, на котором сверкает бутылка с коричневой жидкостью, выпил прямо из горла и повернулся к нам.

– Так, – сказал он. – Теперь рассказывайте.

Глава 4

Я видела, как Лодин задумчиво уставился в потолок, на котором прилеплены два белесых диска. Фил сделал еще один глоток, потом протянул бутылку мне. Пару секунду я сомневалась, размышляя, принято ли в Подмире травить гостей, особенно непрошенных. Потом все-таки взяла.

Когда поднесла горлышко к лицу и вдохнула, в нос ударил резкий запах, глаза вытаращились.

– Фу! – выдохнула я. – И ты это пьешь?

– Что, – отстраненно спросил Фил и сел на табуретку, – резковато? В первый раз всегда не привычно. Хотя, если честно, не все любят виски. Местные вообще самогон попивают.

Я брезгливо поставила бутылку на стол и отшагнула. Подмирец потер переносицу и зажмурился, когда открыл глаза, произнес:

– Что же мне с вами делать...

Черноволокный, наконец, нагяделся в потолок, взгляд опустил к Филу.

Он сказал:

– Раз взялся помогать, доводи до ума. Ты и так узнал больше остальных, придется что-то с этим делать.

Фил снова потер переносицу.

– Мда... – протянул он. – Мда... Возможно... видимо. Гм... В действительности, знаю я пока маловато.

Лодин выдохнул удивленно:

– Ты же видел, как девушка сквозь огонь ходит.

– Вот это и не укладывается в голове, – пробормотал Фил. – Хотелось бы подробностей.

– Не знаю, с чего начать, – сказал ветер, сдвинув плечами.

– Начни с начала, – предложил наш спаситель.

Лодин набрал воздуха и произнес торжественно:

– В начале не было ничего, был пустой космос и...

– Стоп-стоп, – сказал Фил, махая руками. – Историю сотворения мира мне рассказывать не надо. Тем более, она никому не известна. Объясняй лучше, почему твоя подруга вылезла из горящей машины и только платье продырявила?

Лодин открыл рот, чтобы ответить, но я опередила.

– Это мы и пытались тебе сказать. Мы не люди. Точнее не люди, в привычном понимании.

Лоб Фила сморщился, он снова схватился за бутылку и опрокинул глоток в горло.

– Так... – протянул он. – Так...

Я продолжила:

– Не уверена, что могу рассказать все. Но уверяю, огонь мне безвреден. А он...

Я кивнула на Лодина, который напрягся, словно натянутая тетива и следит за каждым словом, боясь, что сболтну лишнее.

– Он... Он знает толк в воздухе.

Фил потер лоб и уставился в пол. Просидев так несколько мгновений, поднялся и прошел в дверь, завешенную ветхой тряпкой. Когда прошло минут пять, а он все еще не вернулся, Лодин вопросительно посмотрел на меня. Я пожала плечами и на полупальцах двинулась вперед.

Черноволокный пошел следом, тихо, как кот, крадущийся за мышью. Приблизившись к занавеске, я аккуратно отодвинула и заглянула внутрь.

Комната оказалась темной. Лишь прямоугольное свечение пытается рассеять мрак. Рядом с ним, сгорбившись, сидит Фил и быстро стучит пальцами по пластине с рядами сияющих букв. Взгляд направлен в прямоугольник, лишь изредка опускает его, но тут же снова утыкается вперед.

Я неуверенно позвала:

– Фил?

Он не отозвался. Тогда тихонько прошла дальше. Когда заглянула ему через плечо, в груди вспыхнул тихий восторг вперемешку со страхом перед неведомым подмирским артефактом.

На светящемся прямоугольнике бегут картинки, какие-то надписи, Фил тыкает куда-то справа, картинки открываются, а под ними возникают тексты, для которых потребовалось бы куча пергаментов.

Сзади подошел Лодин, послышался удивленный вздох, а я спросила:

– Что это?

– Пытаюсь найти что-нибудь о других мирах, магии и, на всякий случай, психотропных веществах, – ответил Фил.

Я снова осторожно поинтересовалась, стараясь не напугать подмирца еще сильнее:

– Ты ищешь сведения в этом магическом... Прямоугольнике?

Он покосился на меня. В свете прямоугольника его лицо показалось бледнее обычного, словно он мертвец, причем оживший.

Меня передернуло, а Фил, прочистив горло, отвернулся обратно и произнес:

– Кхм... Магическом? Гм... Это называется компьютер и... интернет.

Лодин толкнул меня в бок и прошептал со знающим видом:

– Магия Подмира.

– Тебе-то откуда известно? – ответила я таким же шепотом.

Лодин сказал, сдвинув плечами:

– Это закономерно. Мы же в Подмире. Значит, магия тоже подмирская. Неведомая и опасная. Лучше с ней не связываться.

– И это говоришь ты? – удивилась я. – Ветер, который даже Ферала не боится? Бесстрашный и непобедимый?

– Еще сообразительный и находчивый, – добавил он.

Я пробурчала:

– А главное, скромный.

Черноволосы поморщился и отвернулся. Потом прошелся по комнате и остановился возле шкафа с книгами. Все полки заставлены фолиантами разных размеров, даже в темноте видно, как их много.

А я снова стала заглядывать через плечо Филу. Тот бросил на меня опасливый взгляд, потом вытащил из-под стола еще одну табуретку и жестом указал сесть.

Я повиновалась, а он развернул ко мне прямоугольник, точнее, «компьютер» и сказал победным тоном:

– Вот. Смотри. Написано куча всего. Но, что важно, никаких эмпирических данных. Магия – это выдумка. Фантазия. Интернет-энциклопедия, конечно не истина в последней инстанции. Но будь это все правдой, данные где-то да просочились бы. Так что, господа, советую, рассказать все, как есть. Без небылиц об огне и воздухе.

– Но это правда, – изумилась я.

Фил развернул прямоугольник обратно.

– Ну конечно, – фыркнул он. – А гномы оставляют горшки с золотом на дорогах.

Лодин бросил, не отрывая взгляд от шкафа:

– Гномы бы никогда не оставили свое золото на дороге. Чужь какая. Кто тебе такое сказал? У этих скряг зимой снега не допросишься. Золото? Куда там!

Фил нервно повел плечами и покосился на черноволосого, проверяя, не издевается ли. Но тот внимательно разглядывает корешки фолиантов, время от времени ковыряя из ногтя, лицо серьезное и сосредоточенное.

– Не поспоришь, – согласилась я. – Гномы действительно ужасные скряги. И дел с ними иметь себе дороже. Но...

– Слушай, – произнес Фил, покрываясь красными пятнами, – ты красивая. И мне не хочется тебе вредить. Понятно, что полицию вызывать не стану. Но можешь мне поверить, найдется масса способов добиться от вас правды. Хватит мне лапшу на уши вешать. Говорите, кто такие, за что полиция задержала?

Услышав это, Лодин, резко обернулся. Лицо потемнело, как грозовая туча. В правой руке огромная книга с изображением зелено-голубого шара, а левая сжата в кулак до хруста.

Он произнес тихо, но отчетливо:

– Не смей угрожать нам, подмирец. Мы пришли сюда не для вражды. И ты сам вызвался нам помочь. Не знаю, какие у вас правила, но мне казалось, законы гостеприимства работают везде.

Фил задумчиво посмотрел в потолок и протянул:

– Ну... Возможно.

– Поэтому, – продолжил Лодин, – твой священный долго нам помочь. Мы с Агагой родственники, хотя, если честно... В общем, я буду защищать ее от любых неприятностей. Это ты тоже должен запомнить.

– И я должен верить в чепуху про огонь, воздух и... Что еще? Гномов?

– О гномах можешь забыть, – сказал Лодин. – Думаю, они не понадобятся. Тем более, в Подмире их, скорее всего нет. Но в остальное, да, придется поверить.

– Очень мило, – произнес Фил, оглядев меня с ног до головы таким взглядом, от которого по коже пробежали огненные муравьи. – Но я до сих пор ничего не понял. А пока не знаю, что вы за фрукты и что тут делаете, предпочитаю обороняться.

Я послала тревожный взгляд Лодину. Тот напрягся еще сильнее, по лицу скользнула грозовая тень, а глаза потемнели, словно внутри зарождается буря. В который раз отметила, что он до безобразия хорош в любом облике, а значит опасен. И порадовалась родству с ним.

Когда первый раз увидела Фила в доме стражников, тот показался щуплым и невзрачным. Видимо, балахон сделал свое дело потому, что сейчас на стуле со спинкой, в голубоватом свете «компьютера» он выглядит как какой-то темный принц. Черты лица угловатые, глаза большие, а скулы заостренные, чем еще больше напоминает мертвяка.

Он откинулся назад и внимательно смотрит на меня, будто старается докопаться до самых сокровенных мыслей.

Я поежилась и отсела вместе со стулом, потом послала еще один взгляд Лодину и сказала мрачно:

– Наверное, придется ему рассказать.

Черноволосый отозвался еще мрачнее:

– Что мне совсем не нравится.

– А есть другой путь? – спросила я со вздохом. – Посмотри, как он злится. Злой подмирец вряд ли будет полезен.

– Расскажите-расскажите, – быстро проговорил Фил. – Я весь во внимании. Прямо весь извертелся от нетерпения.

Я снова вздохнула и произнесла:

– Ладно. Слушай.

Я начала говорить. По мере того, как углублялась в подробности, которые сама не очень-то знаю, лицо Фила менялось. Оно становилось то бледным, то покрывалось пятнами, то снова приобретало землистый оттенок.

Когда закончила, он нахмурился и молча уставился в прямоугольник. Но я видела, что смотрит не в него, а куда-то, где нет ни нас, ни этого города, а лишь неведомая голубая даль.

Спустя минут пять, он проговорил, все так же невидяще таращась перед собой:

– Значит, вы называете наш мир Подмиром?

– Верно, – произнесла я осторожно.

Он продолжил:

– А сами живете в месте, называемом Трехмирье, и сюда вас послал некий Фарбус, чтобы добыть какой-то цветок.

Лодин поправил нехотя:

– Цветок вечности.

– Ну да, – согласился Фил. – Вечности. И он способен переносить жителей из одного мира в другой, в обход Воргылы?

– Вормхола, – снова поправил его Лодин.

– И я должен в это поверить?

Ветер кивнул.

– Придется.

Подмирец хмыкнул и снова уставился в прямоугольник. Просидев так еще минуту, стал стучать пальцами, заставляя буквы появляться на «компьютере». Потом что-то читал, менял тексты на прямоугольнике, после чего произнес:

– Ну ладно. Допустим. Только на секунду предположим, что вы все это не выдумали. И где-то там действительно существуют гномы с горшками золота...

– Забудь о гномах, – посоветовал Лодин.

– Забудешь тут, – хмуро произнес подмирец, качая головой. – Хорошо. Пусть без гномов. Но никакой вселенной с названием «Трехмирье» интернет не знает. О трех мирах нашел только в славянском язычестве. Три мира правь, навь и явь. Еще какое-то дерево с эльфским названием. Но никакого «Трехмирья».

Я пробормотала:

– Видимо, не такой умный твой интернет.

А Лодин проговорил быстро:

– Наш мир раньше называли тонкими планами. Но после того, как к власти пришли верховные маги и объединили Верхний, Средний и Нижний мир, его переименовали в Трехмирье. Жители все равно время от времени перемещаются между ними. Говорят, это предрекает слияние. Но это лишь слухи.

– И Фарбус его опасается, – предположила я.

Лодин поморщился.

– Фарбус опасается всего, что хоть не много меняет привычный ход вещей, – произнес он.

– Да, но слияние все же не каждый день происходит. Жителей станет трудно контролировать. Могут начаться беспорядки.

– А как называется то, что происходит в Звенящей Долине? – усмехнувшись спросил Лодин. – Разве порядок, когда огнекрылые за один налет целый город сжигают?

Я уперла кулаки в бока и ответила с вызовом:

– Именно из-за этого я здесь. Ради Долины.

Пока мы обсуждали Трехмирье, подмирец переводил тревожный взгляд с меня на Лодина и обратно. Потом стал тыкать пальцами в дощечку с буквами, напряженно всматриваясь в прямоугольник. Спустя пару минут отклонился и сунул пальцы под столешницу. Когда вынул, в ладони оказалась прямоугольная пластинка, какие в большом количестве видели на улице.

Он поводит по ней пальцами и прижал к щеке, потом неожиданно заговорил.

– Это я. Да. Привет. Слушай, приезжай... Нет, тот телефон сгорел... Не важно... Тут такое дело... Нет, по телефону не могу. Нет, не пожалеешь. Просто приезжай. Один не разберусь.

Я с удивлением наблюдала, как он снова провел пальцем по пластинке. Потом убрал в карман и поднял на нас с Лодином взгляд.

– В общем так, – проговорил он. – Если хотя бы половина из того, что вы сказали, правда, это настоящее открытие. Когда люди узнают...

– Ни к воем случае! – выдохнул Лодин так сильно, что шторка на двери колыхнулась. – О нас никто не должен знать. Фарбус, хоть и архаичен, но в этом прав.

Фил задумчиво промышчал, глядя куда-то в сторону. Потом поднялся и вышел в соседнюю комнату. Когда вернулся, в руках была бутылка и три прозрачных стакана. Он поставил это все на стол, быстро разлил жидкость и кивнул нам, чтоб угощались.

Помня резкий запах, я поморщилась и покачала головой. Зато Лодин цапнул стакан и поднес к носу. Пару секунд шумно нюхал, как охотничья собака, потом сделал осторожный глоток.

Глаза ветра выпучились, он задышал, словно хлебнул огня, и стал махать ладонью у рта. Лишь спустя несколько мгновений смог успокоиться.

Он поставил стакан и проговорил, все еще тараща глаза:

– Что это за снадобье?

Фил тоже отхлебнул. Но, в отличии от Лодина, лишь коротко покривился, но так, будто это доставляет удовольствие.

– Крепкое? – спросил он участливо. – Знаю. Но это лучшее, что есть в ближнем магазине. Ишь ты, Трехмирье...

Я поблагодарила богов за то, что дали мне ума не пробовать этой дряни, потом спросила подмирца:

– С кем ты разговаривал?

Фил непонимающе посмотрел на меня, я указала на карман, куда спрятал пластинку.

– А, по телефону, – выдохнул он. – С одним другом. Скоро приедет.

– Мы же просили никому не говорить, – грозно произнес Лодин, становясь еще мрачнее.

Фил кивнул и сказал:

– Просили. Но это мой очень хороший друг. С правильной логикой и полезными связями. Как раз изучает всякую мистическую чешую и древние легенды. Я больше по технике, а вот он... Думаю, с ним будет, о чем поговорить. Опять же, если в вашем рассказе хоть слово правды...

– Мы сказали правду! – произнесла я резко, чувствуя, как помимо воли внутри начинает закипать лава.

Фил вскинул ладони, как бы закрываясь.

– Ладно-ладно. Приедет, разберется. А пока... не знаю. Чаю попейте. Чай вы пьете?

– Пьем, – согласилась я.

Мы вышли обратно в комнату. Лодин переместился к окну и опустил на старый диван с огромной дырой в середине. Из нее торчит что-то вроде овечьей шерсти, но не разлетается.

Окно завешено занавеской, которую давно не стирали и из белой она приобрела желтовато-серый цвет. Поэтому в комнате полумрак, как в монашеской келье.

Я села на табуретку, а Фил стал хозяйничать на кухне, которую смогла распознать только по кастрюлям. Через пару минут он поднес нам по чашке с ароматным чаем.

Едва поднесла к губам, как раздался грохот, словно само небо раскололось на части. Следом послышался нарастающий шум, забарабанило по подоконнику, а воздух даже в доме наполнился влагой.

Фил проговорил:

– Гроза. Обещали как-раз во второй половине дня.

– Ваши маги тоже делают погоду? – спросила я обрадованно.

Подмирец хмыкнул.

– Не то, чтобы маги, – ответил он, покачивая головой. – И не то, чтобы делают. Но метеостанции более-менее работают.

Когда собралась спросить, что такое метеостанции, в дверь постучали.

Я вздрогнула, а Лодин напрягся, готовый в любую секунду сорваться и защищать меня. Зато Фил, спокойный, как сытый удав, прошагал через комнату и распахнул дверь.

На пороге застыл белокурый юноша с такими голубыми глазами, каких за всю жизнь не встречала. Ростом почти как первый подмирец, но чуть шире в плечах. Видно, что упражняется то ли с мечом, то ли еще с чем-то. Волосы по плечи, будто собирается в ученики к магу, но с таким телом ему самое место в королевском войске. Одет в штаны, потертые на коленях, и одеяние, которое в лавке называлось «футболка».

С него течет, будто на голову вылили ушат воды, футболка на плечах и животе вымокла, прорисовав четыре кубика пресса.

В груди застучало, словно сердце пустилось в пляс и собирается получить главный приз на празднике Весны. Не в силах оторваться от подмирца, я скользила по нему взглядом, словно прежде не видела мужчин. Образ пастушьего сына окончательно стерся из памяти, даже харизматичный Лодин показался недостаточно идеальным.

Видимо, я очень долго пялилась на незнакомца потому, что Лодин стал громко покашливать и пыхтеть. Пришлось отвести взгляд и сделать вид, что смотрела не на юношу, а вон на то дерево в защитке.

Фил быстро пропустил его внутрь, приговаривая:

– Давай быстрее. Там поливает, как из брандспойта. Ты прям метеор. Греться будешь?

– Я же не пью, – ответил юноша глубоким голосом, и мне показалось, это самый красивый мужской голос в мире. – Тут мимо проезжал.

Фил усмехнулся.

– Давно? – спросил он. – А то помню, как в институте...

– Это было давно, – резко сказал юноша и поднял на меня голубые льдинки глаз.

Внутри словно вспыхнуло пересохшее дерево, жар разлился по всему телу, заполняя каждый сантиметр. Я смущенно отвела взгляд, пытаюсь сообразить, что вызвало такой трепет – его накаченный пресс или необычные глаза. В этот же момент метка Ферала на шее запекла сильнее обычного.

Я потеряла ее, а Лодин хмыкнул, откинувшись на спинку дивана. Взгляд стал хитрым, глаза прищурились, будто готовится сказать что-то едкое, швырнуть помидором и тут же упорхнуть с потоком воздуха.

Я едва заметно покачала головой, ветер почему-то расплылся в улыбке, но промолчал.

Тем временем, юноша прошел на середину комнаты, взъерошив мокрые волосы. Фил откуда-то достал полотенце и швырнул ему, тот поймал и отер лицо. Потом перекинул через плечо и опустил на табуретку.

Его взгляд встретился с моим, по венам снова потек огонь, пришлось опять отвернуться, а Фил проговорил:

– Люто поливает. Давно такой грозы не было.

Юноша шмыгнул носом, но даже это не развеяло ореола очарования, он сказал:

– От машины до двери три секунды. И смотри – до нитки. Вещай, зачем вытащил. Я заказал новую кровать, с ортопедическим матрасом. Новейшее поколение. Не хочу пропустить доставку.

– Ну, не до нитки, – отозвался Фил. – Так подмок. Но оно того стоит. Забудь про матрац. Полюбуйся.

Он кивнул на меня и Лодина, который сидит в развязной позе и скользит по пришедшему изучающим взглядом. На него незнакомец лишь косо взглянул, зато меня принялся разглядывать.

Внутри снова прокатилась волна жара, словно стою перед проповедником на воскресной службе и должна петь, но слов не помню.

Не понимая, как себя вести, я отодвинулась вместе со стулом, украдкой поглядывая на подмирца. Тот все еще изучает меня. Лицо кривится то так, то эдак, будто ему пытаются всучить тощую корову на базаре. Спустя минуту проговорил:

– Эм... Платье на ней дырявое. Хотя сама вроде ничего. И чего?

Меня будто окатили ледяной водой потому, что прежде слышала только восторженные вздохи в след. А деревенские парни толпами приходили, чтобы поглазеть на меня, разгуливающую по двору в одном исподнем.

Пока я растерянно хлопала ресницами, Фил раздраженно зарычал, будто пришедший должен был понять все с порога.

Потом повернулся ко мне и сказал:

– Это Стас, но мы зовем его Клаус. Он немного невыносимый, но голова на месте. И очень уважаемый человек в научных кругах. Расскажите ему то, что и мне.

Я с опаской покосилась на Лодина. У того лицо недовольное, но вроде не против, чтобы говорила, поскольку деваться некуда.

Вопросительный взгляд блондина окончательно выбил из колеи, к щекам устремились сотни огненных частиц с целью раскалить их докрасна и опозорить меня перед тремя мужчинами. Лишь невероятным усилием воли удалось отправить их вглубь.

Отхлебнув из чашки, поставила ее на пол и коротко повторила рассказ о Трехмирье, цветке и Фарбусе.

Стас, который Клаус, слушал внимательно. В отличие от Фила, расхаживающего по комнате из стороны в сторону, этот сидит спокойно, как принц на троне. Спина прямая, подбородок приподнят. Чувствую, как он изучает меня, оценивает, будто прикидывает, для чего я гожусь, а для чего нет. Мне же хотелось, чтобы он просто улыбнулся.

Когда закончила, Клаус произнес:

– Очень любопытно.

Фил выпалил:

– Любопытно?! Да это сенсация! На планету прибыли люди из параллельной реальности! Ты представляешь, сколько мы получим, когда покажем их правительству? Если это правда...

– Важная поправка, – заметил Клаус. – Если это правда.

Фил закивал, но будто не услышал его и продолжил так же страстно:

– Да-да, если правда... Но если правда, вся наука, все исследования, все перевернется! Ты ж понимаешь?! Мы думали, что... А на самом деле...

Он задохнулся от эмоций, грудь заходила ходуном, глаза выпучились. Оперевшись на край стола, Фил стал задерживать дыхание, видимо, чтобы успокоить пульс.

Мое сердце тоже пошло в пляс. Становиться всеобщим достоянием Подмира в наши планы не входило, особенно теперь, когда стал мерещиться Ферал. А из-за взгляда этого напыщенного блондина кажется, что мир сейчас рухнет и его придется собирать по крупицам.

Клаус наблюдал за мной, а Лодин за Клаусом, изучая его, как тигр кошку. Потом проговорил:

– Можете меня не слушать. Но напомним, мы здесь тайно. И огласка не нужна. Если вы хотите чего-то другого, лучше нам уйти прямо сейчас и попытаться разобраться самим. Может, встретим кого-нибудь поприятнее.

Фил охнул.

– Ну нет. Вы никуда не пойдете.

– А кто нам помешает? – парировал Лодин и требовательно посмотрел на меня.

В эту же секунду пальцы закололо, запертый внутри тела огонь ударился в кожу, я загнула дела. Фил отшатнулся, в ужасе таращась, а я поняла, что мои очи пылают, как раскаленные угли.

– Вот и доказательства, – прошептал он неверяще.

Лодин быстро поднялся, глаза затуманились, словно в нем разошелся ураган. Он приблизился ко мне, загорюничав собой, и сказал:

– Попробуй остановить нас.

На улице снова загрохотало, но на этот раз не гром, а какие-то ведра и бревна. В трубе завывало и из поддувала старенькой печки вылетело облако сажи.

Мы с Лодином быстро переглянулись. Надежда на возвращение сил вспыхнула в груди, как самое сухое полено в печи. Я напряглась так, что мышцы во всем теле заболели, пришлось сжать зубы. Не знаю, сколько так стояла, но через некоторое время старенькая печка вспыхнула жарким пламенем.

Я выдохнула, чувствуя, как по лубу течет горячая капля. Навалилась дикая усталость, словно я два дня таскала мешки с картошкой. Но в душе шевельнулась радость, силы есть и текут где-то внутри.

– Хоть что-то, – прошептала я и оперлась на спину Лодина.

Тот стоит с шутовской улыбкой и смотрит на подмиргивающего. Фил оторопело раскрыл рот и переводит взгляд с печки на окно, за которым летают дворцовые принадлежности.

– И еще доказательства... – снова прошептал он. – Значит, они и правда, оттуда...

Мы сверлили взглядами подмиргивающего, пока Клаус не проговорил, все так же оценивающе поглядывая на меня:

– Фил, ну ты чего. Гости же сказали, им нужно сохранять секретность. Не переживаете, никакому правительству мы вас сдавать не станем. Успокойтесь. Фил не всегда соображает, что несет. Он умный, но дурак.

Фил возмущенно набрал воздуха, но Клаус снова заговорил:

– Как я понял, с нашим миром вы не знакомы?

Ветер за окном постепенно стих, остался лишь дождь и капель по подоконнику. Лодин посмотрел на него каким-то шальным взглядом и пожал плечами.

– Не знакомы, – сказал он. – Но мы же стихии. Как-нибудь разберемся.

– Не разберетесь, – отозвался Клаус с довольной ухмылкой. – Если для вас компьютер магический предмет, а машины волшебные телеги, то от остального поедет крыша. Давайте так. Мы поможем вам разыскать цветок...

Лодин сложил руки на груди, бровь поднялась.

– Чувствую подвох, – произнес он.

– Не подвох, – пояснил Клаус. – Мне лишь хочется побольше узнать о Трехмирье. И вообще о мирах.

– И все? – спросил ветер.

Белокурый юноша приложил ладонь к груди и заявил клятвенно:

– Я же ученый. Обещаю, никакого правительства и СМИ.

Мне надоело стоять позади Лодина, но когда попыталась выйти, он аккуратно придержал и посмотрел строго, почти как мать, когда не пускала играть с деревенскими детьми. Стало обидно. Жизнь мне никогда не принадлежала, и даже теперь, когда нахожусь вообще в другом мире, не могу сама принимать решения.

Пару секунд мы молчали. Я осторожно выглядывала из-за черноволосого, пытаюсь разгадать, что творится в голове Клауса, и гадала, что он обо мне думает. Но у того лицо непроницаемо, как у мраморной статуи на главной площади Звенящей долины.

Когда за окном загремело ведро, все вздрогнули, я посмотрела на Лодина, мол, это снова ты? Но он покачал головой и сдвинул плечами.

Тогда Фил аккуратно приблизился к окну и глянул за занавеску.

– Тьфу ты! – выругался он.

Клаус поднялся, брови тревожно сдвинулись.

– Что такое? – спросил он.

– Да участковый, – отозвался Фил. – И с ним какие-то люди. Вроде не в форме, но в костюмах. Наверное, уже доложили о разбитой машине.

– Костюмы, это плохо, – хмуро заметил Клаус. – Ты разбил машину?

– Разбил, – пробормотал он. – Валяется на той стороне защитки, сгоревшая. Между прочем она...

Фил кивнул на меня и продолжил:

– Вылезла из полыхающего авто без единого ожога. Своими глазами видел.

Клаус перевел на меня впечатленный взгляд и присвистнул.

– А я думаю, почему платье прожженное. Вроде приличная девушка, а выглядит, как бродяжка. Что с участковым и костюмами? Проблемы?

Меня снова окатило льдом. Надежда на то, что он проявит хоть немного благосклонности рассыпалась в пыль, а в груди вспыхнул жгучий уголек.

Фил pokrивился, отходя от окна. Жестами показал идти в ту каморку, где сияет прямоугольник, а сам выдохнул и пошел к двери.

Когда мы втроем оказались в комнатке, Клаус отвел нас в самый дальний угол, а когда в дверь постучали, приложил палец к губам.

Притихнув, мы вслушивались в каждый звук, я со страхом поняла, что грохот в ушах, это стук моего сердца. Клаус присел, наклонившись к полу, словно собирается что-то искать, но не может решить, что.

С улицы раздалось приглушенное:

– Здравствуйте. Старший лейтенант Протко. Ваш участковый.

Мне показалось, что Фил прижался ухом к двери.

– И вам вечер добрый, – отозвался он. – Чем обязан?

– Поступили данные, – снова сказал глухой голос. – Ваша машина сгорела в кювете. Заявления не было, но вот эти господа утверждают, что вы были задержаны за сетевое хулиганство, а потом сбежали.

Я слышала, как Фил что-то раздраженно пробормотал, потом ответил, приближаясь к коморке:

– Вы допускаете, что эти господа могут сильно ошибаться?

– Может, вы впустите нас, и сами обсудите детали? – поинтересовался участковый. – Дверь в доме не самая новая, но все равно выбивать жалко. Потом новую ставить, деньги платить. Не разумно.

Фил заглянул за шторку, где мы сидим, как перепуганные цыплята, что-то молча прожестикулировал Клаусу и оглянулся.

– Так не выбивайте, – предложил он громко.

Клаус тем временем стал шарить руками по полу. В свете прямоугольника, его волосы кажутся почти сияющими, я решила, в природе таких не бывает, и их нарочно выкрасили каким-то зельем.

С улицы донеслось глухое:

– Видите ли, в чем дело. Если вы не откроете, дверь выбить все же придется.

– Это почему? – спросил Фил громко, чтобы приглушить возню Калауса. – Вам разве не нужен ордер там, или постановление? Я знаю, для такого нужно разрешение. А врываться в дома честных граждан не хорошо.

– В том-то и дело, что не честных, – сказали снаружи. – Эти господа утверждают, что вы не только хулиган, но еще и вор.

Клаус, наконец, нащупал, что хотел, послышался облегченный вздох. Потом он приподнялся, схватившись за что-то внизу, мышцы на руках красиво вздулись, и тяжелая крышка пошла вверх.

Через секунду перед нами предстал черный ход с крутыми ступеньками. Фил указал внутрь, а Клаус обошел крышку и подтолкнул меня в спину. Я возмущенно охнула, хотя от его прикосновения по коже пробежали огненные муравьи, а ветер, который все это время молча наблюдал, резко выступил вперед и перехватил запястье подмирца.

Клаус посмотрел на него грозно, но без враждебности, потом прошептал:

– Нужно спускаться.

– Почему? – мрачно поинтересовался Лодин, а я сделала шаг к нему, понимая, что так обоим будет спокойней.

Клаус бросил быстрый взгляд на Фила, который косится на дверь, и произнес:

– Когда они сюда войдут, никто не гарантирует, что ваша миссия будет завершена. Фил слишком хороший хакер, чтобы его просто так отпустили. Тем более там «костюмы». А это совсем плохо. Надо бежать.

Лицо Лодина неожиданно расслабилось, на губах появилась лукавая улыбка, а я в который раз удивилась переменчивости его ветряного нрава.

– Ну если так, – произнес он и сделал шаг в подвал. – Бежать так бежать. Это про нас.

– Любишь бегать? – спросил Клаус, и я уловила иронию.

– Я ветер, – отозвался Лодин. – Люблю движение.

Я неуверенно ступила следом. Ожидала, что спуск будет коротким, но ступеньки уходят вниз, воздух становится сырым и тяжелым, а мы все идем. Клаус движется прямо за мной, шаги раздаются за затылком потому, что лестница крутая. Буквально кожей ощущаю его близость и душу разрывают противоречивые чувства. Поведение Клауса выводит из себя и рассыпает уголь в груди, но подмирец красив, как бог, а от одного его взгляда сердце пускается вскачь.

Сверху послышался голос Фила:

– Я ничего не крал!

Мы все еще спускались в темноте. Наверху грохнуло, послышался звук запираемого засова, и я в страхе вцепилась в плечо Лодину. Тот напрягся, но Клаус за моей головой проговорил тихо:

– Не бойтесь. Как спустимся, пойдем со светом.

Я прошептала:

– Мена пугает не темнота, а то, что твой друг мог нас запереть здесь.

– Исключено, – сообщил подмирец довольным тоном. – Он не самоубийца, чтобы остаться в доме, окруженном «костюмами» и полицией. Хотя мне нравится, что ты так думаешь.

– Почему?

– Боишься, значит уважаешь, – отозвался Клаус.

Я произнесла мрачно:

– Больше ерунды в жизни не слышала.

В голове не укладывалось, почему Клаус с первой секунды невзлюбил меня, и еще больше раздражало прекрасное лицо, от которого сложно отвести взгляд. Но напрямую спросить не смогла, пришлось сжать губы и продолжить спуск.

Через минуту нас и правда догнал Фил. В темноте слышно его тяжелое дыхание, видимо, устал, пока возился с крышкой, затворами, а потом вслепую лез по ступенькам, где можно шею свернуть.

Когда шаги приблизились, Фил проговорил натужно:

– Это их задержит. Когда найдут лаз, открывать будут не меньше часа. У меня особая система замков, и крышка из... Не скажу, чего.

Я спросила, все еще держась за Лодина, чтобы не свалиться во мрак потому, что перил нет:

– Почему тебя ищут?

Клаус хмыкнул, а Фил проговорил важно:

– Полиция? Они меня всегда ищут, иногда даже приводят в участок, пытаются что-то всучить. Но у меня нет ни одного хвоста. А вот почему здесь костюмы – вопрос хороший. Вряд ли их заинтересовала моя сгоревшая машина.

Пару секунд я думала, где проглядела хвост у этого подмирца. И если у них есть хвосты, то как выглядят и зачем нужны. Потом, все же решила, что это фигура речи, поскольку в таких узких штанах никакой хвост не спрячешь. Разве что самый маленький, но тогда его бы и «костюмы» не увидели.

– Если они не за тобой, то за кем? – поинтересовалась я, спускаясь все ниже.

– А черт его... – бросил Фил. – Может за вами?

Я вздрогнула, а Клаус проговорил:

– Ты был прав, Фил. Эта история мне нравится.

Глава 5

Внизу оказалось сыро. Пол земляной, кое-где настолько рыхлый, что босые ноги утопают по щиколотку. В воздухе запах земли и каких-то червяков, которых на такой глубине много. Вокруг все еще непроглядная тьма, и мы бредем, цепляясь друг за друга, как муравьи, пытающиеся сшить разрезанный лист. Прошла вечность, а обещанного света все нет.

Постепенно тело потяжелело от усталости. С момента похищения у Ферала еще ни разу не удавалось перевести дух. Незащищенные обувью стопы стали ныть, а колени задрожали от постоянного напряжения. Приходится чаще цепляться за Лодина.

Он движется прямо передо мной. Двигается уверенно, хотя наверняка видит не больше меня, но природная способность ветра помогает перемещаться и ориентироваться в любом месте.

– Долго еще? – простонала я, когда тоннель повернул направо, и почва под ногами стала мягче.

Справа кто-то прошлепал, по натужному дыханию человека, не привыкшего к физическим нагрузкам, поняла – это Фил.

– Скоро, – отозвался он.

Я проговорила:

– Вы обещали, будет светло. А мы уже вечность ползем в темноте.

– Это не я обещал, – отозвался Фил. – Клаус не в курсе, что у меня перегорели лампы в тоннеле. Поднималась вода, я как-то не рискнул лезть, пока напряжение не сняли. А потом не до того было. Так что извиняйте.

Я кивнула, хотя в темноте не видно.

– Извиню, если мы вылезем отсюда на сухое и теплое. Не терплю сырость. Ноги замерзли.

Неожиданно меня подхватили сильные руки, подкинули, как пушинку, а когда перевернуло, ощутила, что сижу на широких плечах. Инстинктивно подалась вперед и вцепилась пальцами в первое, что попало под руку, колени поджались.

Лодин охнул.

– Ай! Леди-пламя, не выдирай мне волосы. Они еще понадобятся. Как же я без волос к девушкам пойду?

На колени легли прохладные ладони. Я чуть ослабила хватку, но выпрямляться не стала, боясь зацепиться за потолок, и победно оглянулась в сторону, где должен быть Клаус. Но там темно, как в колодце.

– О девушках он думает, – пробурчала я. – Лучше думай, как нам добраться до цветка. И почему пришли эти люди. Какое-то странное совпадение. Мы, цветок, «костюмы». Кстати, почему «костюмы»?

Позади послышался глухой кашель. Я, наконец, поняла, с какой стороны находится Клаус и выпрямилась, несмотря на темноту, в которой мою гордую осанку не разглядеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.